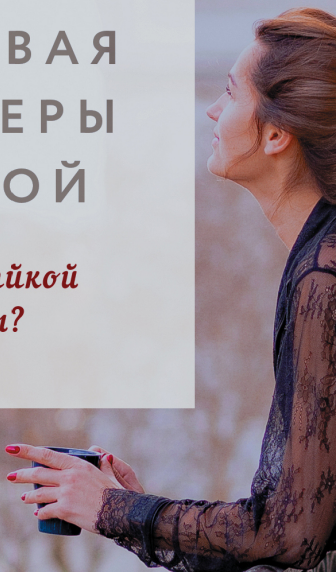

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

СЧАСТЛИВАЯ
ЖИЗНЬ ВЕРЫ
ТАПКИНОЙ

*Как стать хозяйкой
своей судьбы?*

Мария Метлицкая
Счастливая жизнь
Веры Тапкиной
Серия «Драгоценная
коллекция историй»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66963913

Счастливая жизнь Веры Тапкиной : сборник / Мария Метлицкая:

Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-163444-5

Аннотация

Впервые в стильном, но при этом демократичном издании сборник рассказов Марии Метлицкой разных лет. О счастье, о том, кто и как его понимает, о жизни, которая часто расставляет все по своим местам без нашего участия.

Героини Метлицкой очень хотят быть счастливыми. Но что такое счастье, каждая из них понимает по-своему. Для кого-то это любовь, одна и на всю жизнь. Для других дом – полная чаша или любимая работа.

Но есть такие, для кого счастье – стать настоящей хозяйкой своей судьбы. Не плыть по течению, полагаясь на милость

фортуны, а жить так, как считаешь нужным. Самой отвечать за все, что с тобой происходит.

Но как же это непросто! Жизнь то и дело норовит спутать карты и подкинуть очередное препятствие.

Общий тираж книг Марии Метлицкой сегодня приближается к 3 млн, и каждую новинку с нетерпением ждут десятки тысяч читательниц. И это объяснимо – ведь прочитать ее книгу – все равно что поговорить за чашкой чая с близкой подругой, которой можно все-все рассказать и в ответ выслушать искренние слова утешения и поддержки.

Содержание

Счастливая жизнь Веры Тапкиной	6
Зависть	13
Правда и ложь	25
Здравствуй, Париж!	34
Бедный, бедный Лева	59
Слабак	76
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Мария Метлицкая

Счастливая жизнь

Веры Тапкиной

В оформлении обложки использованы фотографии:

© KIRAYONAK YULIYA, Thomas Dutour /

Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

© Метлицкая М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Счастливая жизнь Веры Тапкиной

Вера Тапкина была из невезучих. Много в ее жизни могло бы сложиться по-хорошему, а сложилось иначе.

Для начала Вера могла бы родиться в Москве – когда-то ее родители жили там и трудились на заводе ЗИЛ. Потом им надоело общежитие, и они вернулись в свой маленький и сонный городок в четырехстах верстах от столицы. За год до Вериного рождения.

Вера могла бы уродиться в мать – стройную, сероглазую, с пышными волосами красавицу, а вышла – копия бати. Тот бы смугл, как цыган, носовит и узкоглаз, напоминал копченую селедку. Вера и фигурой пошла в отца – крупная, мо-сластая, с большими руками.

После восьмилетки Вера хотела пойти в медучилище, а потом работать в поликлинике – белый халат, белая шапочка. Все бы уважали и ценили, соседки бы просили померить давление или поставить укол. Вера бы никому не отказала, чувствуя свою значимость. А отец заставил пойти в ПТУ, на плиточницу. Что, говорит, тебе с говном и мочой возиться? А там всегда будешь с халтурой. Вера была слаба характером и отца послушала.

Потом, на первом курсе, случилась у нее любовь, та, что до гроба. Звали его Колькой. Гуляли вечерами в парке культуры, ходили на танцы, целовались в подъезде. Дальше – ни-

ни. Не так воспитана.

Проводила Кольку в армию. Два года писала письма, рыдала, ночей не спала. А он вернулся с молодой женой – привез ее из Барнаула. Вера тогда чуть с ума не сошла. Решила топиться, слава богу, передумала.

Вскоре в семью радость пришла – дали бате новую квартиру. На новоселье гуляло ползавода. Танцевали под баян, а Вера все хотела поставить пластинку с Пугачевой.

Пошла работать на стройку. Через два года у нее завязался роман с прорабом Петровичем. Петрович был старше Веры на двадцать лет и имел многодетную семью. Замуж за него Вера не хотела, ныть не ныла, ничего не просила. Все еще любила предателя Кольку. Встречала его иногда с женой и коляской – сердце рвалось из груди, и становилось так душно, что дышать тяжело.

Мать ее просила: ты хоть ребеночка роди, мы люди немолодые, с кем останешься? А от кого рожать? От Петровича не хотелось, а больше и не от кого было. Городок маленький, все на виду.

Колька стал пить и жену поколачивать. Об этом все знали. Вера видела ее в магазине – лицо опущенное, глаза на мокром месте. Однажды Колька пришел к Вере. Пьяный, конечно. В дверь колотился, орал. Вера не открывала. Вот бы от Кольки родить! А куда рожать от пьяницы?

В тридцать пять Вера осталась одна – родители ушли в один год, друг за дружкой. Вера сделала поминки, но отпе-

вать побоялась, отец был коммунистом. Через год поставила хороший памятник – два голубя целуются, а над ними – веночек, буквы золотые. Очень ей этот памятник нравился.

Теперь деньги матери отдавать было не надо, и Вера купила себе дубленку – колкую, каменную, с цветочками по подолу. Правда, белая овчина после дождя козлом воняла, но все равно Вера была довольна.

Зарабатывала она неплохо. Весь год собирала на отпуск – и поехала в Болгарию, на Золотые Пески. Надеялась: а вдруг там найдет свою судьбу?

Через три дня на пляже познакомилась с пузатым немцем из ГДР. Объяснялись жестами. Немец пригласил ее в номер попить пива. Вера принарядилась и пришла. Долго стучала в дверь, не открывали. Толкнула дверь рукой – она оказалась незапертой. Кавалер спал на кровати в одних трусах. Храпел так, что стены тряслись. На следующий день Вера поехала на экскурсию, чтобы с ним не встречаться. Больше его не видела – видно, кончился у фрица отпуск и он уехал, да и черт с ним. Вера купила себе кофту-«лапшу», замшевую юбку с фестонами и духи «Розовое масло».

А в январе она сломала руку – поскользнулась у подъезда. Перелом был сложный, в трех местах, с осколками. Врач сказала, что сидеть Вере на больничном месяца два. Потом – неизвестно. Рука-то правая. По больничному платили пятьдесят процентов. На что жить?

И Вера решила сдать комнату. Жилец нашелся быстро –

молодой врач из Питера, приехал по распределению. Парень простой, непьющий, звать Сергеем. Жилец оказался чело- вечным. Видел, как Вера с рукой мается, – мог и картошки сварить, и щей на неделю, приглашал к столу: поешьте, Вера Григорьевна, горячего. Когда рука болела невмоготу, делал обезболивающий укол. Жили тихо, мирно, друг друга не за- девая.

Работал Сергей в городской больнице и крутил роман с замужней медсестрой. Вера его слушала и головой качала:

– Жениться тебе надо, а не с замужней путаться. Вон сколько девчонок хороших, а ты?

– Я люблю женщин солидных и умных, – смеялся он. – А с девчонками мне неинтересно.

В свою замужнюю медсестру был влюблен не на шутку, просил уйти от мужа, а та все отмахивалась: отстань, мне и так хорошо.

Он ей ультиматум, а она: раз так, так и иди к черту.

В общем, нашла коса на камень. Он, бедолага, страдал, Вере плакался. Она его и пожалела. Пожалела одну ночь, вторую – так у них и поехало. Вера душой не была, все про се- бя понимала. Влюбиться в него не влюбилась, хотя нравился он ей сильно, что говорить.

Денег за постой теперь у него не брала, неудобно как-то. Рука тем временем зажила, и в апреле Вера вышла на работу.

История с постояльцем как-то постепенно сошла на нет. Сначала он приходить к ней стал реже, говорил, что устал

на дежурстве, потом и вовсе перестал. Вера на него не обижалась, и за то, что было, спасибо. Помог в трудную минуту, ухаживал, душу отогрел – и то хорошо. Ведь к хорошему Вера была непривычная.

Деньги, кстати, он теперь подкладывал на кухонную полочку. Тихо, без слов. Вера их сначала не трогала, а потом стала брать. Видела, что жилец переменялся: глаз горит, брюки наглаживает, по вечерам торопится, убегает. Все поняла.

А потом он ее на разговор вызвал. Смушался, правда, страшно. Краснел, запинаясь:

– Вера Григорьевна, я жениться собираюсь – уж не обессудьте. Так вот получилось. Вам за все спасибо, вы – хороший человек. Но буду я подыскивать другое жилье. Невеста моя в положении, жилплощади у нее нет, там семья большая, братья, сестры, племянники. Так что надо нам семью строить на своих, так сказать, метрах, в смысле на съемных. Комната у вас хорошая, светлая, денег вы берете немного, хозяйка вы не вредная. Но неудобно как-то, сами понимаете, – он опять покраснел и запнулся. – И ребеночек вам мешать будет, да и две хозяйки на кухне... В общем, что говорить! Съеду я от вас, как только комнату подыщу.

Вера сидела молча, опустив голову, и теребила бахрому у скатерти. Они оба долго молчали. А потом Вера сказала, вздохнув:

– Не надо никакой другой комнаты, Сережа. Здесь ты при-

вык, да и до работы тебе пешком. И вон двор какой хороший с малышом гулять. Да и я чем смогу помогу. Я ведь одна на свете, Сережа, никого у меня нет. А так будет семья. И денег мне платить не надо – я ведь хорошо зарабатываю.

Вера замолчала, боясь поднять на Сергея глаза. Молчал и Сергей.

– Ну а буду мешать вам – так съедете, вы же вольные люди, – засмеялась Вера. – Да и с женой твоей я общий язык найду. Уверена, что найду. Что вам по чужим углам мотаться, да еще с ребеночком? А мне только радость, Сережа! Поверь, только радость. Ты ведь мне не чужой.

Вера смутилась и отвернулась к окну. Сергей порывисто встал и вышел с кухни. Вера всю ночь не спала: боялась, что он передумает и она опять останется одна. Ведь они стали почти как родственники, привыкли друг к другу, ни разу не поругались.

Вечером того же дня Сергей принес букет гвоздик и торт. И еще красивый платок – на синем фоне красные розы.

– А что девушку свою не привел? – удивилась Вера.

Девушку свою он привел через два дня – с чемоданом и стопкой книг. Девушка была хорошенькая, черноглазая, курносая, с толстой косой до пояса. Звали ее Олей.

Вечерами, если Сергей был на дежурстве, Вера прогуливалась беременную Олю по парку. Потом пили чай с печеньем, Вера терла Оле яблоко с морковью и вязала будущему малышу носочки и варежки. По воскресеньям Вера пекла пироги

и накрывала стол белой скатертью. Присмотрела в «Детском мире» коляску. Только не знала, какую брать – синюю или красную. Решила подождать.

Со смены торопилась домой. Надо было прибрать и готовить ужин – теперь у нее была семья. А что может быть важнее? Ведь она, как никто, знала, какое страшное дело – одиночество, не приведи бог!

Жизнь впервые была наполнена смыслом, Вера была счастлива.

И еще она ходила в церковь и долго просила бога, чтобы ничего в ее жизни не переменилось.

Зависть

Галина лежит на диване, как Даная, так же красиво. Впрочем, все, что она делает, красиво. Ника так считает – абсолютно, кстати, искренне. Кожаная узкая юбка слегка задралась, демонстрируя длинные, полноватые, но все еще очень стройные ноги. Одна рука закинута за голову, а вторая держит сигарету. Тоже красиво. Руки очень ухоженные, с длинными красивыми пальцами и прекрасным темно-вишневым маникюром. Немного откинув голову назад и сложив в трубочку губы, Галина выпускает в потолок тонкую струйку дыма. Ника, как всегда, не может оторвать от Галины глаз. Смотрит на нее как замороженная, любит ее лицом – гладким, очень белым, с яркими синими глазами, широкими темными бровями, прямым носом и крупным, пухлым, манящим ртом с полоской идеальных, белоснежных зубов. Длинные, темные, густые волосы, закрученные на затылке в небрежный пучок. Кофточка с глубоким декольте. А что, такую грудь не грех и выставить, сплошное богатство. Не то что Никин первый, и то с натяжкой, номер. И это после двоих-то детей!

Ника мысленно оглядывает себя и тяжело вздыхает. Угрозило же уродиться такой серой мышью! Вот родители постарались. Это про таких, как она, говорят: «Ни кожи ни рожи». Одно сплошное недовольство собой. А как по-друго-

му? Роста ничтожного, вес – ученицы шестого класса. Фигуры нет и вовсе – ручки тоненькие, ножки кривенькие, волосы серенькие и тусклые. Глазки, ротик, оборотик – вот и получилась Ника. Никакая. Ника – никакая. Вот и каламбур, прости господи.

В соседней комнате возятся сыновья – пятилетний Вовка и трехлетний Колька. Орут как резаные, разносят комнату по кускам. Полная свобода.

Галина морщится и кивает в сторону детей:

– Усмири!

Ника обижается, но не подает вида – умирять детей, конечно, смешно. Украдкой глядит на часы – скоро с работы должен приехать муж Виталик.

«Успеть бы проветрить», – с тоской думает она.

Галина тем временем в пятый раз просит сварить кофе. Ника бросается на кухню и заодно ставит разогревать кастрюлю с борщом – Виталик ждать не любит. Галина тем временем продолжает рассуждения.

– Ну что Савельев? – медленно растягивая слова, говорит она. – Да, конечно, человек небедный. Практически олигарх. Подарки не из последних. Шуба, машина, бриллианты. Кольцо рождения – гарнитур из розовых сапфиров. Не банально. Дом с прислугой. Казалось бы, что еще надо? Но есть один веский аргумент, который перечеркивает все положительное. Ложиться в койку с ним просто мука. Нечеловеческие страдания. У него какой-то особый запах, Ну, специфич-

ческий такой, понимаешь?

Ника отрицательно мотает головой. Галина опять морщится.

– Ничего не помогает – ни духи, ни дезодоранты. Это же не запах нечистого тела – он чистюля будь здоров! Это просто его запах, понимаешь? И его ничем не перебьешь. Гормоны, наверно, – тяжело вздыхает Галина. – Ничего не могу с собой поделать – тошнит. Прямо к горлу подкатывает.

Ника, у которой в арсенале имеется единственный сексуальный опыт, с мужем Виталиком, тоже вздыхает и кивает понимающе.

Галина продолжает:

– А Могилко? Нет, сама подумай, можно в трезвом уме взять фамилию Могилко?

– А ты не бери, – говорит Ника. – Оставайся при своей.

– Так он же настаивает! И дети, нет, ты только представь, будут Могилко. Девочка, например. Или мальчик. Да там еще трое детей в анамнезе и три жены. И все – Могилко. Хорошие дела.

Галина привстает и раздраженно тушит окурок.

– Или вот Забельшанский. Фамилия что надо. Подходящая фамилия. Только живет с сестрой-дебилкой. Та голая по квартире ходит. Говорит, что принимает воздушные ванны. А мне кажется, что братца соблазняет. Нимфоманка, по-моему, на мужиков бросается. К нему друзья перестали в гости ходить – боятся. Он говорит, что ее ни за что не бросит, со-

весть не позволит. Сама – ни убрать, ни приготовить. Все он, как за малым дитем. Ну, мне это надо? Еще отравит меня из ревности. И не сядет, у нее справка. А жаль. Неплохой он мужик, этот Забельшанский. Умный, интересный. И не бедный, – добавляет Галина. И опять тяжело вздыхает.

Ника опять смотрит на часы – муж запаздывает. «Пробки, наверное», – думает она. Галина перехватывает взгляд.

– Психуешь? – усмехается подруга.

Ника пожимает плечом.

– Вот я и думаю, – говорит Галина. – На черта все эти мужья и дети? Только нервы и потерянное здоровье.

Она кивает на дверь детской, из-за которой раздаются дикие вопли.

– Ну, знаешь! – обижается Ника. – Дети – это счастье. Надежда на старость. Оплот.

– Я тебя умоляю! – с пафосом восклицает Галина. – Себя-то не смей! Будешь этот «оплот» до сорока их лет тянуть. А потом уже ни на что сил не хватит. Даже на себя.

Потом долго молчат, и Ника, честно говоря, рада, что Виталик задерживается в пробках. Идет на кухню и выключает борщ.

– Принеси бутербродик! – кричит Галина.

Ника вздыхает и режет колбасу, сыр и хлеб. Тоненько, как Галина любит. Подруга жует бутерброд – хлеб, сыр и сверху колбаса – и опять рассуждает:

– Или вот Аркадий. Нет, ну надо, чтобы так угораздило!

Шесть лет учиться в институте – и стать патологоанатомом. Нет чтобы хирургом или гинекологом. Там – бабки, почет и уважение. А здесь? Я с ним даже есть за одним столом не могу. Не могу на его руки смотреть. Так и представляю, как он этими руками в трупах копается.

– Так он же в перчатках! – удивляется Ника.

– Какая разница? – возмущается Галина. – Не могу, и все. И еще мне кажется, что от него анатомичкой пахнет.

– Все тебе пахнет! – в сердцах бросает Ника. – И потом, откуда ты знаешь, как пахнет в анатомичке?

– Представляю, – отрезает Галина. – У меня очень хорошо развито воображение.

– Даже слишком хорошо, – соглашается Ника.

Потом из детской пулями вылетают разгоряченные растерзанные мальчишки, и Ника утирает сопливые носы и оправляет им одежду. Галина брезгливо морщится и поднимается наконец с дивана.

В прихожей она долго и тщательно красит губы ярко-красной помадой, разглядывает себя в зеркало и наконец надевает шубу – коричневую норку густого шоколадного цвета.

Ника смотрит на эту норку и переводит взгляд на вешалку, на свой китайский пуховик пятилетней давности. Ника тяжело вздыхает. Галина, побрякивая, застегивает черные замшевые ботильоны на высоком каблуке.

– Ну а что ты на Новый год? – спрашивает она.

Ника отвечает дрожащим голосом:

– Господи, ну ты еще спрашиваешь! Все как всегда. Приедут свекор со свекровью, брат Виталика с детьми. Я буду стоять трое суток у плиты: холодцы, пироги, индейка, сто пятьдесят салатов – они все пожрать не дураки. Конечно, все сожрут и выпьют. Потом будут смотреть этот дурацкий телевизор и подпевать Пугачевой. В три ночи соберутся на улицу поджигать петарды.

Ника замолкает и кривит лицо.

– А потом все опять проголодаются и снова усядутся жрать. Дальше всех надо устроить на ночлег. Достану белье и буду стелить постели. Все улягутся, а я буду мыть посуду, – она всхлипнула. – А часов в семь утра пойду под бочок к Кольке или Вовке, потому что на моей кровати будут храпеть до обеда свекор и свекровь. А утром всех корми завтраком и снова мой посуду. Потом еще поздний обед, часов эдак в шесть. Ну и, дай бог, к ночи они все уберутся.

Ника опять всхлипывает и замолкает, вконец обидевшись на жизнь.

– Кошмар! – трагически произносит Галина. – Просто кошмар какой-то.

Так она, видимо, проявляет сочувствие.

– Семья! – вздыхает Ника. – Вот такая проза.

Галина тоже вздыхает и завязывает на шее ярко-красный шелковый шарф.

– Да уж! – отвечает Галина.

– А ты? – спрашивает вконец обиженная на судьбу Ника.

– Я? – тянет с ответом Галина. – Ну, не знаю. Пока не решила. Савельев предлагает ресторан – «Турандот» или «Пушкин», Забельшанский зовет на дачу к приятелям. А Могилко и патологоанатом еще составляют бизнес-план.

– Ага, – мрачно острит Ника. – Могилко – в могилу, а патологоанатом – в прозекторскую.

– Дура, – отвечает Галина, и обе они начинают в голос смеяться. – А еще тридцатого на работе корпоратив, – вспоминает Галина.

– Везет! – с завистью откликается замученная бытом и детьми Ника, мечтающая поскорее выйти на работу.

Потом они чмокают друг друга в щеки, и Галина наконец выходит из квартиры. Ника бросается в комнату и распахивает настежь окно – Виталик не любит запах табачного дыма. Потом летит в комнату к мальчишкам и приходит в ужас от причиненных убытков.

Вскоре на пороге возникает муж, недовольно ведет носом – запах табака еще плотно стоит в квартире. Долго моет в ванной руки и садится за стол. Ника пляшет вокруг него, а он с безразличной миной на лице начинает есть борщ. Что поделаешь – Виталик всегда чем-нибудь недоволен. «Но зато он верный муж и хороший отец», – думает Ника. И она, между прочим, права.

Галина садится в машину, заводит мотор и включает Патрисию Каас. Она кладет локти на руль и долго смотрит на улицу. На улице плавно и медленно, словно в загадочном

танце, кружат крупные редкие снежинки. Она вздыхает, открывает окно и медленно трогает с места.

Назавтра, подхватив мальчишек и пластиковые клетчатые сумки, Ника отправляется на рынок.

Галина, приняв дома перед работой косметичку, которая делает ей массаж и накладывает маску из распаренного овса, неспешно собирается на работу. Сегодня в ее турбюро все равно работы не будет – все готовятся к корпоративу. К трем часам столы уже накрыты. Галина выходит из своего кабинета начальницы и придирчиво оглядывает стол. Она знает: веселье продлится до позднего вечера. Домой никто торопиться не будет – почти все девчонки свободные, разведенные или холостые. Только Оля Гречишникова семейная, за ней в восемь заедет муж. После ее поспешного ухода девчонки раскиснут, и веселье сойдет на нет. Все вспомнят, что дома их никто не ждет – в лучшем случае мама или подросший ребенок, до смерти довольный, что родительница задерживается и не выносит мозг. Уже изрядно принявшие на грудь сотрудницы начнут вспоминать свои бывшие любовные истории и по ходу дела хвастать и, естественно, привирать. Потом Галина раздаст всем сувениры, что-нибудь вроде геля для душа и коробки с «Рафаэлло», вызовет такси – и все наконец разъедутся по домам. По дороге, им по пути, завезет домой Ленку Кулагину, которая, как обычно, здорово наберется. И в машине, не стесняясь водителя, одинокая и бездетная Ленка, икая, будет в голос выть и проклинать судь-

бу. А Галина будет утешать ее и вытирать пьяные и честные слезы.

Ника притащит с рынка тяжеленные сумки, разденет вспотевших мальчишек, накормит их обедом и встанет к плите. У плиты она будет стоять и весь следующий день, до вечера. У нее сильно разболится спина и затекут руки. А потом она будет накрывать на стол: стелить парадную белую скатерть, к концу праздника напрочь убитую, в пятнах вина и масла, ставить на стол праздничный сервиз и бокалы, грустно думая, что не все тарелки и рюмки доживут до следующих торжеств. А дальше она будет перекладывать из кастрюль и мисок салаты и пирожки, обязательно в нарядные хрустальные плошки, и с волнением поглядывать на часы – родственники мужа явятся не позже восьми вечера. Это у них называется «проводить старый год». Она, конечно, очень устанет и будет счастлива, если выкроит хотя бы полчаса и просто полежит на диване.

Галина проснется тридцать первого не раньше двенадцати. Куда торопиться? Потом долго будет валяться в постели и щелкать пультом от телевизора. Найдет какой-нибудь старый, сто раз просмотренный, любимый фильм, обязательно досмотрит его до конца, раздражаясь на навязчивую рекламу, и обязательно всплакнет в конце – это уж непременно. Потом она решит сварить овощи для салата, но передумает. Будет постоянно проверять, не разрядился ли мобильный телефон. У телефона – полная батарейка, но он будет

упорно молчать. Днем она выпьет бокал вина и ляжет спать. Проснувшись, спустится в магазин, купит салатов в пластиковых коробочках – столичный и селедку «под шубой», – бутылку итальянского шампанского и еще большой и очень калорийный торт, украшенный ядовитыми кремовыми цветами. Вернувшись, отключит мобильник, наденет старый любимый халат, густо намажет жирным питательным кремом лицо, не перекладывая из пластиковых контейнеров салаты, откроет бутылку дорогого шампанского и снова усядется у телевизора. В двенадцать, когда начнут бить куранты, она нальет большой бокал шампанского, поднимет его и пожелает себе «большого человеческого счастья». Всплакнет, съест весь салат и всю селедочную «шубу» прямо из коробки, столовой ложкой будет есть очень сладкий и противный торт, посмотрит «Огонек» с одними и теми же опостылевшими до боли лицами и примерно в час ночи уляжется спать. Перед этим, понятное дело, наревевшись по полной программе. Перед сном она подумает про Нику и представит, как за Никиным столом собирается вся большая Никина семья, где все порядком надоели друг другу, но где все друг за друга горой. Это уж точно. Галина тяжело вздохнет, укутается в одеяло и попытается уснуть.

А Нике будет не до телевизора и не до слез. Она будет челноком мотаться между кухней и комнатой, безуспешно пытаясь уложить валящихся с ног детей. Индейка, как всегда, пригорит, и она расстроится до слез. Свекор заснет в кресле

перед телевизором, свекровь будет требовать чаю с тортом, а золовка пьяненько, но громко затынет про темно-вишневую шаль. Дети, конечно же, не уснут и будут бегать по комнатам и хватать со стола конфеты, чтобы назавтра на щеках буйным цветом расцвели малиновые розы диатеза. За окном будут рваться петарды, и про них все вспомнят и захотят «на воз-дух». На следующий день все проснутся не раньше трех и, естественно, захотят пообедать. Ника с трудом упросит мужа погулять с детьми и будет опять носиться между комнатой и кухней и бесконечно разогревать, накрывать и подавать. К позднему вечеру, выпив в последний раз чаю, родственники наконец выкатятся. В бессилье Ника сядет в прихожей на банкетку и расплчется. Но впереди ее ждет большая уборка – пылесос, швабра, мочалки и щетки. К ночи, свалившись «без задних ног», она подумает про Галину. Она представит, как Галина в длинном вечернем платье входит в зал ресторана и в ее ушах переливаются всеми цветами радуги розовые сапфиры. Галина садится в кресло, и официант наливает в ее фужер французское шампанское. Потом Галина ест икру и фуа-гра, и ее приглашают танцевать. Или, например, вот так: Галина сидит у камина, в котором уютно потрескивают дрова. Галина в брючках и мягком свитере. У нее распущены волосы. В углу комнаты стоит пушистая елка, и на ней искрятся разноцветные лампочки. Потом Галина накидывает дубленку и идет на улицу. Естественно, не одна. На улице они играют в снежки или просто, дурачась, валяются

в сугробе.

Ника тяжело вздыхает и пытается уснуть. Нет, она совсем не из завистниц, просто почему-то ей за себя очень обидно. Она, конечно, совсем не выспится – ведь дети просыпаются, как всегда, рано. И снова с утра начнутся привычные хлопоты.

Первого января Галина проснется к полудню. Спокойно примет душ и усядется пить кофе. Потом позвонит какой-нибудь одинокой подружке и протреплется с ней до обеда. А дальше они решат, что хорошо бы сходить в баню, а потом поужинать в японском ресторане. И запирая за собой дверь, Галина подумает, что в ее жизни все не так уж плохо. В конце концов, у нее есть здоровье, молодость и красота. И, что немаловажно, деньги. Она ни от кого не зависит и может наслаждаться свободой. В машине она даже замурлыкает какую-то прилипчивую песенку.

А Ника вечером, уложив мальчишек спать, сядет наконец с мужем у телевизора, нальет обоим крепкого, только что заваренного чаю, положит на тарелку пирожки – из тех, что удалось сберечь от буйной оравы гостей, и с удовольствием оглядит прибранную квартиру. Они будут сидеть долго, до позднего вечера, смотреть по телевизору все подряд и наслаждаться тишиной и покоем.

В общем, каждый будет проживать свою жизнь – кому какая отпущена.

Правда и ложь

Эта старуха привязалась к Веронике на прогулке – ну, как это обычно бывает.

Вероника приехала в санаторий три дня назад – привез муж, за руль после *той* аварии она садиться боялась.

Сразу обрушилась целая гора процедур – массаж, иглоте-
рапия, бассейн, ЛФК. Только после ужина нашлось время
немного передохнуть и погулять.

Вероника вышла из корпуса и, опираясь на палку (без нее она ходить еще боялась), осторожно дошла до скамейки пер-
ед столовой. На улице стояло распрекрасное бабье лето, и
под ногами плотным и ярким ковром лежали опавшие ли-
стья. Вкусно пахло грибами и прелой травой.

Старуха материализовалась минут через пятнадцать. Лю-
бопытная, как все старухи, она начала расспрашивать Веро-
нику обо всем. Почему она с палкой? Ах, авария! Какой кош-
мар! Ах, сустав, ах, переломы. Надо же, чтобы так угоразди-
ло – такая молодая и приятная женщина, почти девочка. Да-
лее хорошо воспитанная Вероника давала подробный отчет
– сколько лет, где работает, кто муж, как зовут детей. Нелю-
бопытная по природе, она удивлялась, как постороннего че-
ловека может занимать чужая жизнь. Но старухе, было вид-
но, и впрямь все было интересно.

Она была похожа на большую облезлую ворону: седые,

растрепанные волосы, крупный крючковатый нос, большие широкие ладони. Облик завершали многочисленные черные тряпки, висевшие, как на пугале, – черная юбка, черные чулки и ботинки, черный макинтош. Она много курила и хрипло кашляла.

Вероника извинилась и заторопилась в номер – к вечеру сильно свежело. Кряхтя и охая, старуха проводила ее до корпуса.

Наутро, на завтраке, старуха увидела сидевшую в одиночестве Веронику и бодро направилась к столику, видимо полагая, что ее общество, безусловно, приятно. Вероника тяжело вздохнула и отодвинула пустую тарелку из-под манной каши.

Старуха вновь казалась не в меру любопытной и словоохотливой. Пару раз кивнула знакомым и принялась свистящим шепотом рассказывать какие-то истории из жизни отдыхающих.

– Простите, но мне это неинтересно, – решительно заявила Вероника.

Старуха замолчала и обиженно захлопала глазами с редкими ресницами.

Вечером Веронику настигла та же участь. Старуха опять подсела на скамейку.

«Вот влипла, – подумала Вероника. – Всегда со мной так».

Старуха закатывала глаза и с упоением сплетничала про медсестер, врачей, уборщиц и поварих.

Веронике хотелось поскорее оказаться в номере – выпить горячего чаю, почитать наконец новую Улицкую, позвонить своим. И всего-то было нужно резко оборвать старуху, извиниться и быстро пойти к себе. Быстро не получилось. Старуха начала вспоминать любимых актеров ее поколения. Потом заинтересовалась литературными пристрастиями Вероники. Вероника удивилась – старуха оказалась в курсе всех книжных новинок.

Старуха опять проводила измученную Веронику до дверей корпуса, объявив на прощание, что с ней «очень мило». Вероника кисло улыбнулась.

Каждое утро старуха явно караулила новую подругу в столовой, стоя с подносом в руках и оглядывая столики. Вероника хоть и раздражалась, но старуху жалела – бедная, скорее всего, одинока как перст. Отводила глаза, когда проходившие мимо их столика отдыхающие бросали насмешливые и сочувственные взгляды.

Меж тем, исчерпав, видимо, сплетни и новости, старуха явно загрустила. И как-то вечером на скамейке решила наконец рассказать о себе. Она приосанилась, воодушевилась и торжественно объявила, что история ее жизни уникальна, необыкновенна, трагична. Преподнесено это было так, будто новые познания Веронику обогатят и наполнят.

Словом, старуха решила поделиться сокровенным. С полным доверием. А это что-то да значит. Она откинула голову, на минуту прикрыла глаза. Неторопливо и размеренно, с

долгой, тщательно выверенной для эффекта паузой, начала свой рассказ. Издалека, слава богу, не из детства и юности, но из молодости точно.

Первый муж – инженер-нефтяник. Крупный специалист, таких по пальцам. Послали в долгую командировку в Баку – там он был незаменим. Дали роскошную виллу – пять комнат, терраса. Белый дом, колонны, чей-то бывший особняк, теперь – только для специалистов такого класса. Прислуга и повариха. Черная икра на завтрак, осетрина на обед. Кусты роз под окном. В саду гуляет павлин. Правда, по ночам орет дурным голосом, но это мелочи. Она молода и прекрасна. С мужем полнейшая идиллия. Она ходит в белом кисейном сарафане и срывает с дерева янтарный инжир. Купается в море, много читает. По просьбе мужа привозят фортепьяно. Вечерами она играет с листа. Беременеет. Рождает прелестного мальчика, долгожданного и обожаемого. В семье царят лад и покой. Зарплата у мужа такая, что о деньгах никто не думает. Муж обожает сына. Мальчик очарователен – белые кудри, черные глаза. В три года знает буквы и пытается складывать слова. Резвится в саду – отец купил ему щенка. Жизнь безоблачна, как синее апшеронское небо.

До поры. В пять лет мальчик тяжело заболевает. Да что там тяжело – болезнь страшная и необратимая, опухоль мозга. За что их так наказывает бог? Он сгорает за полгода. Могила на русском кладбище в Баку. Памятник из белого мрамора – малыш бросает в море гальку. В броске закинута пух-

лая ручка, откинута кудрявая голова.

Муж чернеет лицом, а она не встает три месяца. Он носит ее на руках в туалет. Видеть людей невыносимо. Она просит мужа уехать в Москву – ей кажется, что так будет легче. Ему идут навстречу – и отпускают их на несколько лет.

В Москве она постепенно начинает приходить в себя. Новая квартира на Тверской, новые связи, новые подруги. В ноябре она заказывает в ателье шубу, закрашивает седину и покупает сервиз на двенадцать персон. В доме опять появляются люди. Муж получает крупный пост в министерстве. Они ведут светский образ жизни – приемы, обеды, премьеры. Через три года – ей уже хорошо за тридцать – она наконец беременеет. Беременность протекает тяжело – все-таки возраст, но она, слава богу, рождает прекрасную девочку, очень крупную, четыре с половиной килограмма – на отца похожа как две капли воды. Муж, конечно, ее обожает – долгожданный и такой желанный ребенок. Девочка тиха и послушна. В четыре года берется за карандаш и рисует изумительные картинки. Чудо, а не ребенок! Снова няни, прислуга. Они опять начинают выходить в свет.

Когда девочке исполняется девять лет, ее насмерть сбивает машина – на Тверской по дороге из музыкальной школы. Теперь не встают оба – муж лежит в кабинете, она в спальне. Лечат их лучшие доктора. Она поднимается первая – и начинает ухаживать за мужем.

Через год муж объявляет ей, что уходит. У него новая

женщина, разумеется, молодая. У него новая жизнь. Они ждут ребенка.

Она пытается отравиться, но ее спасают. Разменивают квартиру на Тверской – и она уезжает в Перово, в однокомнатную. Муж, правда, дает денег на содержание, но это весьма скромное содержание. Ей надо привыкать жить по-новому. Она идет в районную школу библиотекарем. Там, среди людей, понемногу приходит в себя.

И через пару лет даже выходит замуж. За неплохого человека, вдовца, военного в чине майора. У майора десятилетняя девочка, дочь. Девочка с ней груба и неприветлива, но она терпелива и упорна – и их отношения более или менее становятся похожими на нормальные. Они съезжаются, у нее снова – трехкомнатная квартира. Достают по записи ковер, цветной телевизор. Подходит очередь на машину. Начинают строить дачу. Жизнь непростая, но все-таки это жизнь. С мужем живут неплохо, а вот у дочки тяжелый характер, но девочка очень талантлива, ей прочат большое будущее в точных науках.

Далее, собственно, ничего особенного в жизни не происходит, хватит с нее событий. Живут они тихо, свой огород, цветы в палисаднике, варенье, в отпуск в Кижы или Питер. На море она больше не ездит.

После университета дочка уезжает в Америку – получает грант. Конечно же, там остается, она же нормальный человек. Выходит замуж, рождает сына. Сын растет успешным и

положительным.

Муж умирает от инфаркта в почтенном возрасте. Дочка звонит два раза в неделю – это уж обязательно. Присылает посылки, деньги. Зовет ее к себе. Но, знаете, не хочется быть обузой. Да и потом, какая там новая жизнь?

– Буду доживать эту.

Старуха откидывается на скамейке и тихо, беззвучно смеется.

Вероника потрясена. Она долго не может прийти в себя, а потом провожает старуху до корпуса и долго гладит по руке.

Ночью, конечно, не до сна. Она дважды пьет снотворное и обезболивающее – под утро очень болят нога и спина. К завтраку она не спускается и долго лежит в кровати. Ей стыдно за то, что она так сильно переживает по мелочам – у мужа не клеится на работе, сын принес двойку, нет шубы и приличных сапог, в квартире давно пора делать ремонт – отваливается плитка и отходят обои. Ей стыдно, что она такая мелочная и неглубокая, что ее угнетают и расстраивают столь пустячные и незначительные вещи. И вообще, ей почему-то стыдно, что жизнь ее так благополучна. Она звонит домой (суббота, все дома) и долго говорит с мужем – говорит горячо и объясняется ему в любви, потом просит к телефону сына и почему-то плачет, услышав его голос.

Она безумно боится встречи со старухой. Хотя понятно: сочувствовать и сокрушаться просто нет сил.

Поднимается Вероника только к вечеру и перед ужином

идет на массаж.

Массажистка, крупная, немолодая женщина с сильными руками и смешным именем Офелия Кузьминична, профессионально и мягко делает ей массаж. Вероника немного расслабляется и начинает приходить в себя.

Офелия Кузьминична спрашивает ее про новую подругу, и она, поняв, что речь идет о старухе, пытается рассказать ей что-то о своей невольной знакомой, но Офелия машет рукой. Знаю, все знаю, она сюда уже который год ездит по бесплатной собесовской путевке. Морочит всем голову, обожает лечиться. А сама, между прочим, тот еще конь. Кардиограмма как у молодой. Ну, конечно, суставы, артрит – это все понятно.

– Жизнь у нее, конечно, не сахар – продолжает Офелия. – Сын всю жизнь сидел. Как сел по малолетке в шестнадцать за вооруженный грабеж, что ли, так и пошло дело. Выйдет на полгода – и снова садится. Жить на воле не может. Она к нему столько лет ездила, а потом он вышел в очередной раз и вообще сгинул. Дочка родилась крепкая физически, красивая, но полный олигофрен. Дома с ней не справлялись. В десять лет отдала ее в интернат. Ездила к ней всю жизнь – но та ее даже не узнавала. Только в руки смотрела – что привезла. В общем, слюни по подбородку. Первый муж бросил, ушел к молодой. Она, уже в летах, второй раз вышла замуж, за военного, кажется. У того девочка была, дочь. Стерва редкостная, всю жизнь им испортила. А ведь она, старуха, столько в

нее вложила, всю душу, все сердце. Дочка эта потом замуж вышла, на Север уехала. Даже отца хоронить не приезжала. Сука та еще. Старухе вообще не пишет, не звонит. Ни копеечки за все годы.

Офелия звонко хлопнула Веронику по мягкому месту:

– Ну, все, вставай, красавица! На ужин опоздаешь.

Вероника молча поднялась, оделась, кивнула и вышла из кабинета.

На ужин она не пошла. На следующий день опять началась бесконечная беготня по кабинетам. В обед в столовой старухи не было, впрочем, как и в ужин тоже. Видимо, уехала. Слава богу! Иначе бы пришлось общаться – а это казалось Веронике невыносимым.

На вечерней прогулке после ужина Вероника совсем успокоилась. Старухи нигде не было, значит, точно уехала. Сыграла последний спектакль – и занавес, можно уезжать со спокойной душой. Чужую-то душу она разбередила до доньшика, отыгралась. Артистка хренова. Впрочем, что ее осуждать; хотел человек чуть приукрасить свою жизнь, правда, таким странным и страшным образом. И не всегда понятно, что страшнее – правда или ложь.

Вероника присела на лавочку, прикрыла глаза и стала вдыхать запахи вечернего осеннего леса.

И жизнь не показалась ей такой страшной и ужасной. Несмотря ни на что.

Здравствуй, Париж!

Он позвонил ей по дороге из офиса. Как всегда: «Привет, как дела?»

«Нормально», – ответила она.

– Любимое слово – «нормально», – усмехнулся он и осторожно спросил: – Я заеду?

Вопрос человека, не уверенного в том, что его хотят видеть.

Она ответила, вздохнув, через пару секунд:

– Заезжай. Только у меня из съестного – предпенсионного возраста рокфор и остатки кофе.

По дороге он заехал в магазин, купил продукты и через час уже стоял на пороге ее квартиры. Она открыла дверь, и он увидел, какое у нее бледное и замученное лицо.

– Опять не спала? – спросил он, вешая на вешалку пальто.

– Спала, – ответила она. – Я теперь все время сплю.

– Это хорошо, – кивнул он.

Она посмотрела на пакеты из супермаркета.

– Ты сумасшедший, – сказала она.

– Тебе надо есть.

– Ну, тебе виднее. – Она усмехнулась. – Ты всегда точно знаешь, что мне необходимо. Даже если я в этом сильно сомневаюсь.

Он предпочел не ответить. По бесконечно длинному ко-

ридору они прошли на кухню.

«Какая все-таки идиотская квартира, – в который раз подумал он. – Комнаты крошечные, кухня с гулькин нос, а ванная и туалет – огромные. Проектировал, определенно, маляк. Или кретин».

Они вошли на кухню, и он сел на табуретку. Она достала из шкафа турку.

– Ты голодный? – спросила она.

Он мотнул головой.

– Нет, на работе обедал. Спасибо.

Она разлила кофе по чашкам и села напротив него.

– Какая за день? – он кивнул на чашку.

Она махнула рукой – мол, какая разница.

– Счастье, что этот бред наконец закончился. Девять дней, сорок дней. Кому это надо? Никому это не надо, – упрямо сказала она. – Ни мне, ни всем остальным. Ни тем более ему. Ты же знаешь, как все эти примочки ему были до фонаря. А мне выслушивать все эти «милые» речи? Эти соболезнования, сожаления и сочувствие? Полный бред. Все лгут, его никто не любил. Ни его маман, ни его сестрички полоумные. Ни эта Эмма, мать его ребенка. Никто. Все только пользовались. Впрочем, я их понимаю. И даже не осуждаю. Любить его было сложно. Вот ты, например. Лучший, так сказать, друг. – Она прикурила сигарету и посмотрела ему в глаза.

– Ну, ты же знаешь, – ответил он. – У нас были сложные отношения.

Она встала и подошла к окну.

– Знаю, Лень. У сложных людей всегда сложные отношения.

– Ну я-то прост, как пятак, – улыбнулся он.

Она обернулась и посмотрела на него.

– Ага, простачок. Всю жизнь прикидываешься.

– Я не прикидываюсь, Ань, – почти обиделся он. – Просто в силу обстоятельств я многое не мог обнародовать.

Он встал и кивнул на пакеты:

– Разбери, не забудь.

В коридоре он долго надевал пальто, шнуровал ботинки и смотрел на себя в зеркало.

– Давай уже, – улыбнулась она. – Твоя Пенелопа уже небось заждалась.

– Подождет, – ответил он. – На то она и Пенелопа. Завтра позвоню, – добавил он.

– Кто же сомневается? – усмехнулась она.

Она закрыла за ним дверь. Потом зашла в комнату и, не зажигая света, села в кресло. Она сидела так долго, час или два. Просто смотрела в одну точку, перед собой. «Путь к безумию», – подумала она.

Встала, зажгла торшер и подошла к комоду. На комоду в траурной черной рамке стояла фотография ее мужа. Рядом стояла стопка водки, накрытая уже подсохшей горбушкой черного хлеба. Она провела рукой по фотографии – брови, нос, губы – и сказала:

– Привет. Ну, как ты там? – Потом усмехнулась: – Думаю, ты не в раю. Туда тебе пропуск не получить. А ты ведь привык, что за все можно заплатить. Но тут точно не выйдет. Черти, наверное, готовят сковородки и длинный перечень твоих деяний. Но ты и там разберешься, – опять усмехнулась она. – Тебе и там все сойдет с рук, если включишь личное обаяние. Кто ж устоит? И там пристроишься. Тебе повезло, ты еще красиво ушел – в офисе, за рабочим столом, за разборкой ценных бумаг. Хорошо, что не в постели очередной подружки, а то было бы совсем неловко. Мне бы досталось еще больше порции «сочувствия». Просто бы захлебнулась в нем. Но ничего, я бы и это пережила. Кто говорит обо мне?

Она замолчала, подошла к окну и уткнулась лбом в прохладное стекло. В коридоре зазвонил телефон.

– А пошли бы вы все! – громко сказала она и не тронулась с места.

«Все эти сопли, охи и вздохи. Посмотрю на вас через полгода – когда вскрыется заветание. Когда будете дербанить фирму, квартиру и дачу. Сразу увидим, кто из вас чего стоит, дорогие партнеры и родственники. – Она села в кресло и опять посмотрела на фотографию мужа. – А как ты любил жизнь! Немного я встречала людей с таким аппетитом. Как жадно хватал – сколько мог ухватить. Рвал кусками. Боялся что-то пропустить, не успеть. Боялся, что вдруг, не дай бог, что-то пронесут мимо. Или что ты чего-то не успеешь. Был уверен, что проживешь до ста лет – здоровье богатырское,

денег полно, планов громадье. А тут вон как получилось, никто не ожидал. Никто. Даже я думала, что ты бессмертен и уж наверняка переживешь меня. Ну, это-то сто процентов. С моей апатией, безразличием и, как ты говорил, «неумением получать от жизни удовольствия».

Не раздеваясь, она легла на диван и укрылась шалью.

«Только бы уснуть, – подумала она. – Единственное спасение – сон». И, конечно, поняла, что без снотворного ей не справиться.

Проснулась от звонка мобильного. Глянула на часы – без четверти одиннадцать. «Ничего себе!» – подумала она и взяла трубку.

Это был, конечно же, он. Общий разговор: как спала, как дела. Она проямлила:

– Слушай, а это и вправду тебе так интересно?

– Не сомневайся, – ответил он. А потом строго спросил: – Ты что-нибудь ела?

– Отстань, – отмахнулась она.

Потом она долго стояла под душем, варила кофе, долго его пила и смотрела в окно, размышляя о том, что пришла весна и скоро станет совсем тепло.

Она набрала его номер.

– Знаешь, я решила съездить на дачу.

– Я тебя отвезу? – предложил он.

– Не лишай меня удовольствия побыть одной, – взмолилась она.

Он вздохнул:

– Звони, если что.

– Если что, – усмехнулась она.

Она бросила в сумку пачку сыра, хлеб и банку с кофе. Достала из шкафа старые джинсы и кроссовки, накинула легкую куртку и вышла из квартиры.

Во дворе подошла к машине мужа – большой, черной и грозной, – обошла ее со всех сторон, вздохнула и завела свою «букашку». Маленькая красная «Тойота» легко взяла с места. Машин было немного – полдень и будний день, и она довольно быстро выехала на Можайку. Открыла окно, и в салон влетел свежий и теплый, уже пахнувший весной ветерок.

Через полчаса она уже подъезжала к поселку. Ей вежливо поклонился охранник, и она въехала под шлагбаум.

«Райское место», – подумала она. Сосны, елки, березы. Ровный, без единого бугорка, асфальт. Высокие, добротные заборы. Черепичные крыши домов, стоящих в глубине участков. Тишина и покой. Чистый воздух. Приличные, солидные соседи. Было бы жалко со всем этим расстаться.

Дачу она любила, всю стройку, все три года, ездила сюда через день, говорила, что теперь может получать диплом строителя. В доме сделала все так, как хотела: никакой современности, все – и мебель, и светильники, и ковры – покупала в комиссионках или по объявлению. Хотелось создать атмосферу «старой дачи», такой, какая была у деда в Хотькове. Получилось все именно так, как она мечтала. Буфеты,

комода, абажуры. Перевезла туда старые, любимые книги, старые, еще дедовские, чашки и тарелки, повесила на стены фотографии – черно-белые, уже слегка пожелтевшие – молодая мама, отец, любимые дед и бабуля. На столы постелила скатерти с бахромой. В доме было уютно, уютней, чем в московской квартире, где дизайном и ремонтом распоряжался муж, который любил помпезность – завитки на мебели, позолоту, лепнину на потолке. Ее это ужасно раздражало, а он радовался, как ребенок, компенсировал свое нищее и голодное детство. А вот дачу не полюбил, называл ее уголком старой девственницы. Да он туда практически и не ездил – построил охотничий домик где-то под Рузой и отдыхал там. Разумеется, со своей компанией.

Она достала пульт, нажала кнопку – ворота медленно, со скрипом открылись, и она въехала на участок и вышла из машины.

На земле еще лежали темные проплешины снега, но перед домом, на лужайке, уже пробивалась еле-еле светло-зеленая первая свежая травка. Она глубоко вздохнула, сняла очки, закрыла глаза и запрокинула лицо к солнцу.

В доме было тепло. Она раскрыла окна, разделась и принялась растапливать камин. Вкусно запахло деревом и смолой. Она включила музыку (Первый концерт Брамса), сняла куртку и кроссовки и принялась за уборку. Потом налила себе большую кружку чая, села у камина, укуталась в плед и стала смотреть на огонь.

К вечеру он, конечно, позвонил.

– Как ты там, не скучаешь?

Она хмыкнула: человек, привыкший к одиночеству, не очень понимает этот вопрос.

– Я приеду? – осторожно спросил он.

– Не сегодня, ладно? Не обижайся, о'кей? – попросила она.

Он не обиделся: ему ли привыкать?

Вечером она оделась и пошла гулять. Долго ходила по поселку и удивлялась тишине, вспоминая, как шумно и суетливо было на даче у деда. Днем дети гоняли по просеке на велосипедах, вечером ходили друг к другу в гости, пили чай, играли в лото или в карты. Поселок замирал только к самой ночи. А здесь на улице ни детей, ни собак, будто все вымерло, но почти в каждом доме горит свет, каждый в своей норе. Каждый ребенок на своем участке. Не с бабушкой – с няней. Родители отдыхают после тяжелого рабочего дня. Никому ни до кого нет дела. Будешь звать на помощь – оборешься. Что случись – только звонить на охрану. Частное, тщательно охраняемое пространство.

«И что мы от этого выиграли?» – загрустила она.

И подумала, что ей, в принципе, тоже никто не нужен. Никого у нее нет. Подруг растеряла, родные давно ушли. Остался один Леня. Верный паж и верный друг. На все времена. Только что ей до этого?

Она часто думала, как бы сложилась ее жизнь, выйди она

замуж за Леню. Если бы тогда, в девятнадцать лет, она бы не влюбилась в своего будущего мужа. Хотя все это смешно. Конечно, она предпочла его – сильного, умного, красивого, самого успешного на всем курсе. Лучший баскетболист, черный пояс по модному тогда карате. А как он пел и играл на гитаре! Как замирали и обрывались неискушенные девичьи сердца! Синеглазый красавец под два метра ростом. Ему все давалось легко – спорт, учеба. Счастливчик, везунчик. На втором курсе подкатил к институту на новеньких «Жигулях». Все обомлели – ну, ты, Андрюшка, даешь! А он так легко, между прочим, сказал, что на тачку заработал летом на шабашке. Врал, конечно. Машину ему купили родители, но так было романтичней, и он по-прежнему оставался героем.

А Леня – что, собственно, Леня? Обычный тихий мальчик. Ничего примечательного. Только смотрит неотрывно глазами, полными любви и тоски. Конечно, она досталась не ему. Лучшая девочка курса, умница-красавица, комсомолка, спортсменка – что еще там из старого фильма? Конечно, она стала встречаться с Андреем. А как можно было устоять? Однажды, чуть припоздав (лекция уже началась), он вошел в аудиторию и на глазах у всех положил к ее ногам огромный букет ромашек. Девчонки от зависти побелели. А в другой раз привел пьяненького баяниста, прихватив его у метро. Тот вошел в аудиторию, раздувая мехи старого баяна, подошел к ней и запел чуть осипшим, но довольно сильным голосом

«Бе са мэ мучо». Все, конечно, рухнули, даже преподаватель. Потом его вызвали в деканат, дали по шапке – так, слегка. А он, делая наивные глаза, объяснял замдекана, что завоевывал сердце любимой девушки. Его, конечно, простили.

Она сопротивлялась недолго, месяца три. Потом закружилось, завертелось. Они словно сошли с ума – не могли прожить друг без друга и полдня. На третьем курсе она залетела. Сказала ему. Он благородно ответил, что примет любое ее решение. Свадьба – значит, свадьба. Она оценила, но сделала аборт. Ей тогда казалось, что они все еще успеют. Впереди целая жизнь.

Но жизнь оказалась короче, чем она предполагала. Забеременеть больше не получилось, как ни старалась. Лет через восемь она ему предложила: уходи, ты молодой и здоровый мужик, у тебя все еще сложится.

Он отмахнулся: какая разница? Ему тогда было все равно, он начал создавать свою империю. Был так увлечен, что всех остальных проблем, кажется, не замечал. Предпочитал не замечать и ее слез и тоски, предлагал заняться чем-нибудь полезным – например, открыть свой магазин или турбюро. Она попробовала. Сначала вроде увлеклась, но очень быстро надоело. Он ее свободу не ограничивал. Хочешь – сиди дома, хочешь – работай, хочешь – путешествуй. Весь мир как на ладони. В деньгах проблем нет. Загородный дом, квартира в центре, машина, прислуга. Спа-салоны, маникюр, педикюр. Тренеры, массажисты. Тысячи женщин, бьющихся за

кусоч хлеба, позавидовали бы ей. Она это понимала, но все равно казалось, что проживает не свою жизнь. И ведь даже пожаловаться было стыдно. Да и кому? Кто бы ее понял и не осудил? От тоски и отчаяния позвонила своей школьной подруге. Встретились. Посидели в кафе. Та торопилась и смотрела на часы. Объяснила: муж, дети, ужин, уроки. Посоветовала, что совсем нет времени. На прощанье положила свою руку на ее и, вздохнув, сказала: «Мне бы твои заботы!» С осуждением сказала, не по-доброму. Но она ее поняла и не осудила. Понимала, что все ее проблемы обычной работающей семейной женщине кажутся незначительными и надуманными. Вспомнила, как подруга мечтала: «Мне бы полгодика пожить твоей жизнью!» Что после этого скажешь? Что ни скажи, будешь выглядеть наглой и зажавшейся дурой. В общем, с подругой этой она больше не встречалась – оно и понятно.

Иногда она созванивалась с Леней. Встречались где-нибудь в центре, обедали, гуляли. Она его тревожно спрашивала:

– Ты думаешь, это у меня с жиру?

Он качал головой и грустно улыбался:

– Нет, просто ты не очень счастлива.

Она начинала кипятиться:

– А где ты видел счастливых людей? Абсолютно счастливых? У всех проблемы, да почище моих!

– Я не о том, – отвечал он. – Ты же все понимаешь!

Дела у мужа шли прекрасно. Лучше не бывает. Он оказался на своем месте и жил в свое время. Да, это точно было его время – время жестких, деловых людей, без всяких сантиментов. Только так можно было состояться и не сгинусть. Андрей оказался талантливым бизнесменом – за что ни брался, все у него получалось. В общем, деньги к деньгам, царь Мидас.

Леня тогда почти бедствовал – его небольшой бизнес практически загибался. Она попросила Андрея взять Леню к себе. Тот ответил жестко: по протекции не беру, пройдет собеседование – тогда пожалуйста. Леня прошел. Стал сначала ведущим специалистом, потом топ-менеджером, потом дорос до директора одного из питерских филиалов. Когда Леня уехал в Питер, ей стало совсем грустно и одиноко. Но, конечно, она была за него искренне рада.

А через два года Андрей его уволил. Грубо и некрасиво – без выходного пособия. Ей объяснил, что тот завалил шикарный контракт. В общем, не справился, не оправдал, так сказать, высокого доверия. Она тогда ругалась с ним до хрипоты. Говорила, что нужно простить и дать человеку шанс. Но муж твердо стоял на своем: если бы я вел дела так, как ты мне предлагаешь, то меня как бизнесмена давно бы уже не было.

– Лучше бы не было! – бросила она тогда в сердцах.

А он спокойненько так ответил:

– Не лезь не в свои дела.

И тему прикрыл.

Отношения с Андреем у нее тогда совсем разладились. Каждый жил своей жизнью, теперь почти официально. Отдыхать ездили порознь. Она, конечно, понимала, что баб у него вагон и маленькая тележка, но ей было почти все равно. Почти. Так, иногда скребло по самолюбию. Но с этим она научилась справляться.

Тогда она и узнала, что какая-то девица родила ему ребенка. Позвонили доброжелатели – такие анонимы всегда находятся. Она восприняла это почти спокойно, а он и не думал отрицать. Хозяин жизни. Сказал, что ребенка признал, но это никак не отразится на их совместной жизни. Она тогда спросила:

– А у нас есть эта самая «совместная жизнь»?

– Считай как хочешь, – бросил он. – Как тебе больше нравится.

Она тогда уехала на дачу. Жила там безвылазно полгода. Они почти не созванивались – если только по делу. Муж каждую неделю присылал водителя с продуктами, а Леня приезжал к ней часто, почти каждые выходные. Они ходили в лес за грибами, разводили костер и пекли в золе картошку. Вечером сидели у камина и трепались обо всем на свете.

– Почему ты от него не уйдешь? – спросил он однажды.

– А что изменится? – пожала она плечами.

– Все, – сказал он. – Ты проживешь вторую жизнь.

Она усмехнулась:

– Ну, знаешь, что-то я не заметила очереди под своим окном.

– А меня ты совершенно в расчет не берешь? – спросил он серьезно.

Она улыбнулась:

– Я против инцеста, Леня. Ты мне почти что брат.

– В этом-то весь и ужас, – усмехнулся он.

Она погладила его по руке и чмокнула в нос.

Как-то зимой она свалилась с радикулитом. Леня был в командировке. Срочно было нужно обезболивающее и растирка для спины. Она позвонила Андрею. Была уверена, что он пришлет водителя, но муж приехал сам. Был сама любезность – заварил свежего чаю, сделал бутерброды. Почему-то сильно смущаясь, она попросила его натереть спину вольта-реном. Он кивнул: ну, разумеется. Растер мазью, сделал легкий массаж и укутал спину теплым шарфом.

Она сразу вспомнила его руки, сильные и надежные, и от заботы и почти ласки вдруг разревелась. Он удивился, сел рядом на диван и погладил ее по голове. Господи! Как ей хотелось обнять его, уткнуться ему в грудь, выплакаться ему до доньшка. Еще минута – и не сдержалась бы. Потом, конечно, проклинала бы себя до конца дней. Но он пересел в кресло и включил телевизор. Обоим почему-то стало неловко.

– Зачем ты живешь со мной? – почти выкрикнула она.

Он медленно повернул голову и усмехнулся.

– Не преувеличивай!

– Вот именно! – Ее была сильная дрожь. – Вот именно, – повторила она. – Зачем тогда все это? Может, честнее было бы развестись? Или ты остерегаешься, что я буду претендовать на твоё имущество?

– Ты моя охранный грамота. Пока я женат, ко мне нет никаких вопросов. И потом, я доверяю тебе, я абсолютно в тебе уверен. А это самое главное.

– Господи, какой же ты циник! И самое страшное, что ты даже не понимаешь, как ужасно все то, о чем ты так спокойно говоришь.

– Не преувеличивай! – откликнулся он, не поворачивая головы от телевизора. – Просто ты не умеешь жить и списываешь всю вину на меня. Ты ни от чего не получаешь радости – ни от тряпок, ни от вкусной еды, ни от путешествий. Ты не хочешь заниматься делом – тебя все раздражает и ничего не интересно. Ты определила себя в страдальцы и самозабвенно упиваешься этим. У тебя абсолютно потерян вкус и интерес к жизни, и ты не можешь мне простить, что я живу с точностью до наоборот. Тебя терзает то, что мне вкусно и интересно жить. И дружка ты себе нашла под стать – вместе страдаете и жуete сопли. У тебя даже подруг нет, потому что ни одна нормальная баба тебя бы не поняла и не пожалела. – Он встал, закурил и подошел к окну.

Она тяжело, опираясь на руки, присела на кровати.

– Я разведусь с тобой, – тихо сказала она.

– Бога ради, – раздраженно бросил он. Подошел к бару,

налил полный стакан коньяка и залпом его выпил.

– Какой же ты жестокий! – качая головой, сказала она.

– Называй как хочешь. Просто ты никогда не умела выслушать и принять правду. В этом твоя главная ошибка.

Он поднялся наверх, в кабинет, и громко хлопнул дверью.

Ночью она не спала ни минуты – бил сильный озноб и болела спина. Она думала о нем, о своем все еще муже, человеке, которого она отказывалась понимать и принимать таким, каким он стал. А может, он таким и был всегда – жестким, даже жестоким, бескомпромиссным, циничным. Готовым перейти через всех и через вся. Этого человека она все еще не переставала любить, и это было страшнее всего. Нет, она понимала, что он, безусловно, во многом прав – в том, что касается ее. Ее и саму такая жизнь не устраивала. Конечно, надо было идти работать, например, преподавать в школе французский – она обожала Францию и язык знала почти в совершенстве. Или давать уроки музыки – у нее был диплом об окончании музыкального училища. Или закончить курсы ландшафтных дизайнеров – у нее хороший вкус. Но для этого надо изменить свою жизнь. Всю – от корки до корки. И попытаться начать все заново, с чистого листа. Чтобы доказать прежде всего себе, и ему, между прочим, тоже. И все же ей до дрожи, до зубовного скрежета захотелось подняться, доползти по лестнице вверх, открыть дверь его кабинета, подойти к кровати, откинуть одеяло, лечь с краю, рядом с ним, прижаться к его спине и обнять его за шею. Но она тут

же представила его лицо и передернулась.

«Души прекрасные порывы!» – горько усмехнулась она.

Заснула она под утро, когда совсем рассвело. И сквозь сон слышала звук мотора и скрип раздвигающихся ворот.

«Решено, – мелькнуло у нее в голове. – Все, хватит. Ничего к лучшему не изменится. Дальше – больше. И страшнее. Разведусь».

Она вздохнула, и ей стало легче. Или так показалось. Но, по крайней мере, стало ясно одно: жизнь наверняка не кончается. И она, измученная, наконец крепко уснула.

А через пять дней он умер.

Леня поднимался после той истории тяжело. Денег совсем не было. Все, что когда-то было, весь капитал, прогорел в том бизнесе, у Андрея – по крайней мере, так объяснил ему бывший друг. Он, конечно, сначала не сдавался, пытался что-то оспорить, но силы были явно неравны – у Андрея имелся целый штат высококлассных юристов и аналитиков, Лене быстро и доходчиво все объяснили. В общем, бороться было глупо и бессмысленно.

Год он «бомбил» на машине. Начал поддавать – было очень тошно. Противнее всего оказалось то, как легко бывший друг переступил через него. Хотя понятно – в бизнесе выживает только тот, у кого волчья хватка. Не нужен человек – за борт. Дело важнее. Все ясно, но жить с этим омерзительно.

Через полтора года он окончательно пришел в себя – по-

нял, что дальше так, по наклонной, катиться его жизнь не может. Продал свою хорошую машину, пересел на старенькую «реношку», обменял «трешку» на Фрунзенской на «однушку» в Беляеве и начал новое дело. Занялся торговлей медтехникой – оснащением стоматологических клиник. Дело пошло довольно бойко – частные стоматологии росли как грибы. Через три года снова переехал в хорошую квартиру ближе к центру и сел за руль новенькой «Вольво». Миллионером, конечно, не стал, но превратился во вполне состоятельного человека.

Тогда он сошелся с молодой женщиной, бухгалтером своей фирмы. Жила она с мамой и двумя детьми – двойняшками Кешей и Стешей. Он смеялся и называл их «попугаичья семья». Общим домом они не жили – она приезжала к нему на выходные, да и то не на каждые. Когда он ей звонил, она брала трубку сразу, с первого звонка. Было такое ощущение, что она днями сидит у телефона.

– Ждешь? – удивлялся он.

– Жду, – вздыхала она.

Тогда Леня и прозвал ее Пенелопой. Впрочем, был предельно честен, сразу расставил все точки над «i»: жениться не собирался. Она слушала его молча, наклоня голову, глядя в пол, и кивала.

Он позвонил Ане к вечеру, под конец рабочего дня.

– Ну как ты там, небось совсем одичала? – попробовал пошутить он.

Она засмеялась.

– Ну, к одиночеству мне не привыкать, ты же знаешь. А вообще, конечно, тоскливо: дождь целый день, на улицу выйти противно.

Он тут же поймал мяч:

– Ну, может быть, я заеду. Пустишь? – Гулко забухало сердце – он всегда боялся ее твердого «нет».

– А заезжай! – Ему показалась, что она даже обрадовалась. – Слушай, привези шашлыка! Так хочется жареного мяса!

Он вздохнул и засмеялся.

– Ну вот, слава богу, ты проголодалась!

Он рванул на рынок, купил парной телятины, овощей, соленостей, всяких понемногу, свежего, еще теплого лаваша, потом заехал в супермаркет и взял две бутылки французского «Валандро», ее любимого красного, к мясу, и полетел на дачу.

Она стояла у открытых ворот в курточке, джинсах и кроссовках.

«Совсем девочка, – подумал он. – Ничего ее не берет – ни годы, ни невзгоды. Худенькая, девчачий хвостик на макушке. Ни грамма косметики».

Он вышел из машины, подошел к ней, чмокнул в щеку и понял, как по ней соскучился.

Потом он разводил огонь в мангале, а она резала мясо, раскладывала на тарелки овощи, ломала рукой лаваш, что-

то хватала со стола и жевала и говорила, что страшно проголодалась, а он посмеивался и все никак не мог на нее наглядеться.

Внезапно кончился дождь, от земли и молодой травы пошел теплый и свежий дух, и вкусно пахло костром и свежим мясом. Они решили не ходить в дом и сели на террасе. Он принес из дома плед, укрыл ей ноги. Она зажгла свечи, и он разлил в бокалы вина. Она довольно быстро опьянела – ей всегда было нужно совсем немного алкоголя, и он видел, что она устала и начала дремать. Он взял ее на руки и отнес в дом.

Снял с нее кроссовки и джинсы, уложил в кровать и накрыл одеялом. Она пробормотала «спасибо» и отвернулась к стене. Он вышел на улицу, долго курил, потом убирал со стола, тушил остатки тлеющих поленьев, опять долго сидел в кресле и смотрел на густой и темнеющий лес. Стало совсем прохладно, и он наконец пошел в дом. Она сидела на кровати, обхватив колени руками.

– Выспалась? – удивился он.

Она кивнула:

– Ты же знаешь, как я сплю. Разожги камин. По-моему, как-то зябко.

Он стал разводить огонь. Сухие поленья занялись быстро и весело. Он сел в кресло возле камина. Оба молчали.

– Посиди со мной, – тихо попросила она.

Он помедлил пару минут и потом подошел и сел на край

кровати. Она обняла его рукой за шею.

Заснули они под утро. От камина в доме стало душно и даже жарко. Он встал и открыл окно. В комнату ворвался свежий влажный ветерок. Она крепко спала, а он лежал без сна и смотрел на нее.

В шесть утра он встал, умылся, сварил кофе, нарезал бутерброды, прикрыл их салфеткой и вышел во двор. Небо было чистым и ясным – ни единого облачка. Трава и деревья блестели от вчерашнего дождя. Он сел в машину, закурил и подумал о том, что совершенно не знает, как жить дальше. Утро вечера оказалось совсем не мудренее. Он завел мотор, и машина плавно взяла с места.

Она проснулась поздно, ближе к полудню, и удивилась, что так долго и крепко спала, впервые за последние несколько месяцев. Пошла на кухню и увидела оставленный им завтрак, улыбнулась, налила кофе и съела бутерброд.

«Вкусно! – удивилась она. – Обычный бутерброд с сыром, а как вкусно!»

Потом собрала остатки шашлыка, положила их в миску и пошла к будке охраны. Там прижились две дворняги – Бимка и Демьян, ее вечные спутники во время вечерних прогулок. Собаки подбежали к ней и радостно залаяли. Она погладила их и поставила миску с мясом. Бимка и Демьян дружно и яростно набросились на угощение, и через минуту миска стала стерильно чистой.

Она прошла быстрым шагом по опушке леса, увидела пер-

вые желтые цветочки мать-и-мачехи, совсем невзрачные, но почему-то очень им обрадовалась. Собрала маленький букет и подумала, что поставит цветы в невысокий стакан на обеденный стол.

«Первая примета весны!» – подумала она.

Потом вернулась домой, вытащила из сарая плетеное кресло, поставила его на освещенную солнцем лужайку, села, сняла темные очки и подставила лицо уже изрядно припекающему солнцу. Она блаженно прикрыла глаза и даже задремала, но проснулась оттого, что набежали тучи, солнце спряталось и опять стало довольно прохладно.

«Все-таки апрель в России – неустойчивый и обманный месяц, – подумала она. – А в Европе уже наверняка совсем тепло!»

Вдруг ей в голову пришла простая и гениальная мысль. Она резко встала и почти вбежала в дом, достала из комода заграничный паспорт, открыла его и облегченно вздохнула – шенгенская виза действовала еще четыре месяца. Потом набрала номер агента из турбюро и попросила заказать билет на Париж и забронировать отель – желательно на завтра.

Она быстро собралась, закрыла дом, завела машину и двинулась в сторону Москвы. Дома распахнула настежь окна, взяла тряпку, протерла толстый слой пыли, накопившейся за много дней, помыла полы и пропылесосила ковер.

«Всегда приятнее возвращаться в чистую квартиру!» – подумала она.

Потом побросала в дорожную сумку вещи – совсем немного, решила, что остальное купит на месте. Через пару часов ей позвонил агент и отчитался, что отель забронирован, как обычно, ее любимый.

Она поехала за билетом, а вечером позвонила Лене.

– Я улетаю в Париж, – сказала она.

– А что ты там будешь делать? – удивился он.

– Буду спать, гулять, пить кофе с пирожными и шататься по магазинам. В Париже всегда есть чем заняться! – рассмеялась она.

– Я рад за тебя, – сказал он. И добавил: – Я правда очень за тебя рад. В Париже уже, наверное, совсем тепло и зацвели каштаны. Только не пропадай, пожалуйста, если можешь!

Она засмеялась и нажала на отбой. Потом подошла к комоду, на котором стояла фотография мужа.

– Ну что? – обратилась она к портрету. – Как же ты меня пытался раздавить, уничтожить, переломить через колено! Заставить жить по-твоему. Принять твою мораль. Оправдывать – всегда – твои действия и поступки. А когда я сопротивлялась, ты объявлял меня почти сумасшедшей, потому что я не хотела жить по-твоему. – Она горько усмехнулась. – А я, представь себе, оказывается, все еще хочу жить. Даже сама себе удивляюсь. Но это так. Пора, в конце концов, разрешить себе жить. Так что не стоит за меня волноваться, ей-богу, не стоит. И не сомневайся, у меня будет все хо-ро-шо! – по складам произнесла она и улыбнулась.

Через два дня, по дороге на работу, он вдруг понял, что надо делать. Паспорт с визой лежал у него в борсетке. Он заехал в кассу и взял билет на завтрашний рейс – самый ранний, вылет в шесть утра.

В аэропорту Орли взял машину и поехал на рю Мартир. Он зашел в отель – на рецепции стоял хозяин, мсье Доминик. Они радостно приветствовали друг друга и обнялись, как старые знакомые. Впрочем, так оно и было.

– Мадам, как всегда, пьет кофе у мсье Жан-Пьера, за углом. Там всегда самые свежие круассаны.

Он кивнул – ее любимое кафе. Оставил вещи у стойки, повесил на вешалку плащ и вышел на улицу. Он сразу увидел ее: она сидела к нему вполоборота и пила кофе. Подошел к ее столику и сел в кресло.

– Не возражаете, мадам? – спросил он.

Она сняла очки и посмотрела на него долгим внимательным взглядом. Подошел официант.

– Капучино, пожалуйста, – попросил он.

– Возьми круассан с шоколадом, здесь они великолепны, – посоветовала она.

Они пили кофе и молчали. Мимо них спешили парижане, каждый по своим делам. «Это счастье, когда не надо никуда спешить», – подумала она. А он понял, что давно не был так безмятежно спокоен.

– Знаешь, мне надо обязательно купить какие-нибудь удобные туфли. Ну, что-нибудь типа балеток, что ли, чтобы

было удобно ходить. Ты же знаешь, у меня такие капризные ноги!

Он кивнул.

– И еще какой-нибудь дождевик: вечером обещали дождь, а зонты, ты знаешь, я ненавижу.

Он кивнул.

– Знаю. Я все про тебя знаю.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Заблуждаешься, ты знаешь про меня совсем даже не все. И вообще, ты слишком самоуверен! – рассмеялась она.

Он усмехнулся и кивнул.

– Ну что, встали? – спросил он. – У нас с тобой куча всяких разных и важных дел. И потом, как ты говоришь, в Париже всегда есть чем заняться. Да и вообще не будем терять времени.

Она кивнула: они и так были слишком расточительны. Они вышли из кафе, и он взял ее за руку. Перед ними раскинулся самый прекрасный город на свете. И, между прочим, еще вполне длинная жизнь.

Бедный, бедный Лева

Санаторий в Прибалтике – воздух, сосновый бор, озеро с дикими лебедями, красные шляпки сыроежек на зеленом мху. Чистые и уютные номера, шведский стол, ненавязчивый, вышколенный и очень профессиональный персонал. Прибалтика – это Запад. Так было всегда, даже в застойные советские времена. Тихий и уютный городок. Машин немного, людей в магазинах почти нет. Много интересного – вязаные авторские вещи, стильная керамика, красивая посуда. Вкуснейший хлеб с тмином и замечательные молочные продукты.

Прекрасно все, кроме здоровья. Его-то мы и поехали поправлять с подругой Иришей. И еще – отдохнуть от своих семейств. Двадцать дней тишины, покоя, отсутствия привычных забот и хлопот. Мобильный выключен – пошли все на фиг. Процедуры утром. Любимые – массаж и релаксация под пледом, в глубоком кресле, под музыку. На экране – рыбки Красного моря. Удивляемся фантазии природы и невозможности такой красоты. Впрочем, удивляемся минут пять – на шестой засыпаем.

Просыпаемся свеженькие и бодрые. После обеда гуляем в лесу, любимемся на лебедей. И – болтаем, болтаем. Обо всем на свете. Темы неисчерпаемы. Мы вместе всю жизнь, с одиннадцати лет. Все друг про друга знаем, и нам все равно ин-

тересно друг с другом – всегда.

А вечерами шатаемся по городу. Сидим в кофейнях. Хулиганим – чизкейк с малиной, тирамису, кофейный крем. Наплевать. Главное – восстановить здоровье, потерянное в тяжелой борьбе за жизнь, которая продолжает безжалостно и методично нас проверять на прочность. Неужели ей непонятно, что мы со всем справимся и все переживем?

В магазинчиках покупаем керамику, яркие вязаные рукавицы (Ириша уже бабушка). Носки для мужей, серебро для невесток и родни. Да! И еще – грибы! Сухие белые на крепкой суровой нитке. Грибы лежат в чемодане и все равно – пахнут, пахнут... Крепкий и сладкий их дух пробирается сквозь бумагу, пакеты и пластик чемоданов.

Засыпаем под собственную нескончаемую болтовню, абсолютно счастливые. Нам так хорошо друг с другом! Вот ведь счастье – никто не зудит, не жалуется, не просит совета или поддержки. Короче – никто не напрягает и не достает.

Все обитатели санатория уже давно друг другу примелькались. Раскланиваемся на прогулке. Дороги в лесу ровные, асфальтированные, называются терренкуры. Вот мы и «терренкуем» днем и вечером с большим удовольствием. А еще с большим замечаем, что слегка схуднули, несмотря на шалости в кофейнях. Видим реальную пользу от наших прогулок по лесу.

В основном отдыхают семейные пары. Есть подружки – вроде нас. Встречаются и одиночки – их тоже предостаточно.

Знакомимся с москвичкой Людмилой. Она наша ровесница – очень грузная, болезненно грузная. Ходит медленно и тяжело. Видно, что каждый шаг ей дается с большим трудом. Все Людмилины проблемы налицо. А она смеется над ними и над собой, не теряя бодрости духа. Острит, хохмит и рассказывает про свою жизнь. Ненавязчиво, но очень поучительно для нас. Заболела в детстве – у матери были тяжелые роды. Проблем – не разгребешь обеими руками. Отец умер рано, они выживали вдвоем. Мама работала в билетной кассе, а это – связи и неплохой заработок. Маленькая Люда не пропускала ни одной премьеры, много читала, запоем. Игры во дворе были не для нее. Окончила техникум – на институт хватало знаний, но не хватало сил и здоровья. Работала методистом в детском саду. Родила сына – вопреки здравому смыслу и причитаниям врачей. Вдвоем с мамой тянули парня, и он оказался замечательным. Изменились времена, и мамин бизнес канул в Лету. Экономили на всем, чтобы посмотреть разные страны. Объездили полмира по самым дешевым турам. Но это никак не портило впечатлений. Даже побывали в круизе.

– Да, приходилось тяжело, – соглашалась Людмила. – Но что может быть прекрасней впечатлений и познания? Красивые тряпки мне недоступны, на нас шьют мало и неинтересно. Обувь делаю на заказ – удобную, но ужасную на вид. Ем мало, и все вкусное мне категорически противопоказано. Сын, слава богу, учится на бюджетном и на свои нужды за-

рабатывает. А в поездках бывают интересные встречи и даже романы, – смеется Людмила.

Мы с Иришей переглядываемся. Не то чтобы не верим... Нет, мы восхищаемся этой женщиной – остроумной, веселой, образованной. Не жалующейся на болячки и жизнь. Понятно, что очень непростую.

В санаториях принято обсуждать здоровье. А Людмила смеется:

– Что про него говорить? Говорить можно о том, что есть. А его нет.

И мы снижаем. Нам стыдно за свое нытье. Наши гастритики, головные боли и расшатанные нервы – просто мелочь, чепуха по сравнению с проблемами многих.

Мы проводим вместе пару дней. Людмила собирается домой – ее срок подходит к концу. Мы прощаемся и, естественно, обмениваемся телефонами.

Наблюдаем одинокого мужчину средних лет. Интересы женского он у нас не вызывает. Да и вообще, нам, честно говоря, не до подобных интересов – этот вопрос для нас давно закрыт. Откипели наши страсти, все в прошлом. Конечно, «никогда не говори никогда» – это истина, но очень хочется покоя, стабильности и размеренности. Каждому возрасту свои развлечения. Увы!

Итак, мужчина. Импозантен, фактурен. Немного мелковат и суховат, но довольно интересный. Эспаньолка, модные очки, волосы с сединой на висках. Одет стильно и аккуратно

– джинсы, яркая куртка, клетчатый шарф. Хорошо пахнет, даже издали. Грустен и задумчив.

На ужине – в брюках и шейном платке. Человек от искусства – видно невооруженным глазом.

Сидит за соседним столом и грустит. Очень аккуратен и разборчив в еде. Видя, как он берет свежий салат и кефир, испытываем глубокий стыд и оглядываем наш стол, плотно уставленный тарелками с закуской и горячим.

Называем его искусствоведам. «Искусствовед» медленно выпивает свой кефир, тщательно вытирает салфеткой рот, после чего удаляется.

Мы тяжело вздыхаем и с неловкостью, которая, впрочем, скоро проходит, активно принимаемся за обильную трапезу. Совесть нас уже не мучает.

Назавтра вместе с «искусствоведам» плаваем в бассейне. Видно, что мужчина озверел от скуки, и вполне понятно, что он заговаривает первым.

За обедом галантно приглашает нас за занятый им стол. Все остальные столы заняты, и мы принимаем приглашение. Надо сказать, с некоторой неохотой, вспоминая его вечерний кефир.

Мы не ошиблись: на его подносе тушеная свекла и паровая рыбная котлета. Мы тоже сдержанны – неловко как-то.

Он представляется – Лев Каминский, литературный критик. Мы почти не ошиблись.

Рассказывает, что очень скучает и ждет жену, любимую

жену. Это видно – говорит он о ней с пиететом, придыханием, теплотой, плохо скрываемым восторгом и тоской. Ну очень скучает. Жена задержалась на неделю – домашние заботы. Он говорит о ней беспрестанно. Называет нежно – Риммуля. Это довольно трогательно, но слегка раздражает.

Может, так он ограждает себя от наших посягательств? Собственно, посягать на святое и не входит в наши планы.

Теперь Лева повсюду с нами. Такая вот образовалась неразлучная троица. Мы вместе пьем из бювета полезную и довольно мерзкую водицу, вместе плаваем в бассейне, спим рядом под музыку Брамса на релаксации, вместе мотаемся на терренкуре. Даже в город он увязывается с нами. С интересом щупает тряпки, посуду, серебро. Щупает, но не покупает. Говорит, что Риммуля все должна одобрить. Сидит с нами в кафе, пьет много кофе. В антикварном дает консультации – во всем разбирается, с видом знатока разглядывает клейма на фарфоре и серебре.

Вечерами гуляем в лесу и опять слушаем песнь песней – «Риммуля, с Риммулей, о Риммуле». Испытываем легкое чувство зависти, смешанное с раздражением и подступающей злостью.

Потом наш новообетенный товарищ бежит к телефону в холле. Висит чуть ли не часами, заплетая худые ноги в косу. Что-то жарко шепчет, прикрывая трубку рукой с изящным агатовым перстнем.

Однажды он сообщает нам – улыбка счастья на лице, – что

Риммуля наконец выехала. Советуется, когда купить цветы: вечером или с утра.

В этот день он рассеян и явно встревожен. Совсем не ест и пьет третий стакан ряженки.

Коллегиально решаем, что цветы покупаем завтра поутру. Мы советуем добавить к этому конфеты или пирожные. Риммуле будет приятно.

После ужина Лева оживляется не на шутку – видимо, в предвкушении встречи. Увязывается за нами на прогулку и без умолку триндит. Разумеется, о Риммуле, о редком счастье, данном только избранным. Рассказывает про упоительные, полные счастья дни – спасибо, не ночи, было бы совсем пошло. Про уникальные, удивительные Риммулины способности и человеческие качества.

Нас уже тошнит. Мы на пределе человеческих возможностей. Прервать пылкого влюбленного как-то неловко, но что нас точно покинуло, так это чувство зависти.

Мы желаем Леве сладких снов и почти бежим в номер. Нам не до смеха. И все-таки жутко интересно. Просто распирает от любопытства – завтра мы увидим уникальную, божественную Риммулю. Женщину, достойную такого восхищения, неземного обожания и пламенного восторга.

Лично я, как мне кажется, ни у кого не вызвала таких чувств. Ириша вздыхает и сознается, что и у нее подобного не было. Мы перебираем всех своих поклонников, значительных и не очень, и грустно соглашаемся: да, такого у нас

не было. Впору возненавидеть таинственную Риммулю – от женской вредности. Но мы выше этого. А любопытство выше нас.

Утром по дороге на завтрак мы увидели Леву, который нервно топтался возле автобусной остановки. Разумеется, с букетом. Мы помахали ему, а он нам кивнул. В объятия, как прежде, не упал. Ладно, нервничает наш пылко влюбленный.

День в санатории расписан до обеда. Очень плотно расписан, не для ленивых. Бегаешь с процедуры на процедуру, высунув язык. Передых только после обеда, и то не всегда. На обеде мы наконец получили возможность лицезреть Риммулю. Ох... И ах. И даже ух и ой-ой-ой.

Мы остановились как вкопанные, чуть подносы из рук не полетели.

Риммуля оказалась зрелой теткой, лет на пятнадцать с виду старше Левушки. И то, если быть крайне доброжелательной. Крупная, не худая и не полная, а какая-то костистая, жилистая, квадратная. Широченная спина и длинные руки. При этом маленькая голова и большой размер ноги. Плохо покрашенные волосы, собранные в пучок. Широкие брови, сросшиеся на переносице. Маленькие и цепкие глаза. Рот в недовольной гримасе. Узкая полоска темных усов. Серая юбка, серая кофта. На шее крупные бусы из самоцветов.

– Ой, – сказала моя наивная Ириша. – К Леве мама приехала.

– Не думаю, – ответила я.

– Риммуля? – У моей подруги расширились глаза.
Я со вздохом кивнула.

Нет, конечно, ничего особенного. Я знаю вполне счастливые браки, где жена прилично старше мужа. Разве дело в возрасте? Риммуля нас просто обескуражила и разочаровала. Мы ожидали увидеть прелестницу, зрелую симпатичную женщину, милую, с улыбкой на лице, нежно воркующую с любимым мужем.

А Риммуля сидела с кислой мордой, недовольно ковыряла в тарелке и что-то выговаривала своему муженьку. Лева, нервно подпрыгивая, побежал к раздаче. Подтащил новые блюда, с тихим ужасом ожидая Риммулину реакцию. Супруга опять поковыряла в тарелках, нервно и резко встала и пошла к выходу. Лева – естественно – бросился за ней.

Мы вздохнули. Были повержены наши иллюзии о красивой любви, оскорблены эстетические чувства. Мы задумались о несправедливости жизни. Сколько наших знакомых, умниц и красавиц, тосковало в одиночестве! Сколько маялось с неверными мужьями! Сколько мечтало о близком человеке – пусть немолодом, небогатом, некрасивом, с тяжелым рюкзаком проблем за спиной. Только чтобы был! Свой, родной, понятливый и верный.

А тут... Ириша начала рассуждать: ну, может, умная. Образованная. Хозяйка-умелица. Или – пылкая любовница.

Нет. Ничего не срасталось. И даже не хотелось предполагать. Крыса она и есть крыса. Просто потому, что противная.

И это видно невооруженным глазом. А уж нашим-то вооруженным – и говорить нечего.

Наверное, он извращенец, заключили мы. Или в детстве ему недодали материнской любви. Нет, опять не срасталось. Левчик рассказывал нам о прелестной маме-искусствоведе, о папе-балетмейстере и бабуле – профессоре медицины.

Так что опять не то. Значит – любовь. Больше ничего мы придумать не могли. Фантазии не хватало.

На следующий день мы повстречались на терренкуре. Лева нежно вел свою крысулю под руку. С нами он не расклянчился – незаметно кивнул и отвел глаза. От Риммули сей жест скрыть не удалось, и она громко и грозно спросила:

– Кто это? Что еще за бабы?

Лева жарко оправдывался. Вот гад, возмутились мы. Терся возле нас целую неделю. Рассказал про себя все, до точки. Даже то, что и говорить не следовало. Про семью, работу и, конечно, про свою неземную любовь к Риммуле. И надо нам было выслушивать все эти бредни! Терять время! А ведь покой не давал! И в город за нами, и в кафе, и в магазины. И на завтраке, на обеде и ужине. И спал с нами вместе! В смысле – рядом, на релаксации, под Брамса и глубоководных рыбок!

Ладно, черт с ним. Пусть пресмыкается перед своей цацией. Его воля. А мы-то точно переживем!

Теперь при встрече с нами Лева просто отводил глаза. Наказали, наверно. А может, она его бьет? Крупная ведь, жилистая. Руки как у мясника. Двинет нашему худосочному быв-

шему другу, и запутается Лева в своих тонких ногах.

А Риммуля уже вовсю скандалила с официантками, горничными, медперсоналом, тренерами в бассейне и методистами на лечебной физкультуре.

Про нее говорили весь «контингент» и вся обслуга. Ее тихо ненавидели, но предпочитали не связываться – себе дороже. Правда, нашлась одна смелая медсестра. Она и посоветовала Риммуле сделать полное очищение кишечника. А вдруг поможет?

В ювелирном через окно мы увидели, как Риммуля скупает самоцветные бусы и стучит ребром ладони по прилавку. Видимо, настаивает на скидке. Продавщица бледнела и закатывала глаза. Вышел директор. Скидку, судя по всему, Риммуле сделали. Думаю, еще полчаса – и началась бы тотальная распродажа. Со скидкой до семидесяти процентов. Или – «Скорая» для директора и продавщицы.

Риммуля вышла из магазина с гордо поднятой головой, сильно хлопнув дверью.

За скандальной дамой, путаясь в ногах, плелся наш незадачливый знакомец.

Риммуля любила пить минералку из источника. Хлебала стаканами. Но, похоже, желчь все равно застаивалась и транспортировалась плохо.

Лева по-прежнему избегал нашего общества. Просто драпал со всех ног, заведя нас, ни в чем не повинных. А мы его уже только жалели. По-матерински – вот ведь влип, дурачок.

Оставалось лишь наблюдать, как он надевает ботинки на корявые ножки любимой и ждет ее с полотенцем у бассейна.

А через неделю Риммуля, недовольная всем и вся, решила ехать на родину. Но! Оплаченный срок еще не вышел, и она начала требовать возврата денег. На путевке было написано крупными буквами: «Деньги не возвращаются». Всем не возвращаются, а вот Риммуле возвратились. После суточного пребывания у кабинета директора. Думаю, что вернул он из своих, оставив себе шанс не рухнуть с инфарктом и не сесть за убийство. Хотя, думаю, его бы оправдали – слишком много народу пошло бы в свидетели.

Риммуля гордо уселась в такси. На переднее сиденье, разумеется. Лева загружал чемоданы в багажник, пыхтел и потел. По-моему, ему тоже хотелось в багажник, рядом с чемоданами. До города все-таки почти три часа езды.

И наступил рай. Все, свободно вздохнув, расправили плечи. Даже сдержанный и холодноватый прибалтийский персонал горячо полюбил нас, оставшихся.

Мы проводили последние светлые денечки. Впереди – дом, работа, мужья, родители и дети. А еще кастрюли, сковородки, пылесос, швабра, унитазы, раковины, гладильная доска и далее – по списку. В общем, впереди – жизнь. А значит – заботы, хлопоты, переживания. Что поделаешь! Праздники реже, чем будни.

Мы бегали по магазинам и покупали подарки. Сыр, соленая и копченая рыба, хлеб (такого у нас точно нет), до-

машинные колбасы. Пусть порадуются наши любимые! А вместе с ними и мы – отдохнувшие и довольные. Жалко, конечно, быстро пролетело времечко. Но не надо наглеть – спасибо и за это. В поезде мы настроились на встречу с родней и поняли, как соскучились по своим кровососущим.

Хорошего понемножку. Жизнь не праздник, но труд.

Про Левушку и его Риммулю мы больше не вспоминали. Много чести!

Но это не конец истории о слабом, подневольном подкаблучнике, тряпке и размазне, позволяющем противной хамской тетке сесть себе на шею.

Прошло года четыре. Москва, как известно, город маленький. Точнее – не мир тесен, а круг тонок.

День рождения моей подруги. Она – человек кинематографический, известный сценарист. Бытописатель наших дней – сериалов «за жизнь». Правда, довольно приличных, серий максимум на десять, а не на триста пятьдесят.

Публика в основном киношная – режиссеры, актеры, художники и операторы.

Огромная квартира на Страстном, доставшаяся от дедушки-дирижера. За столом не сидят – фуршет. Замечаю: едят мало, пьют куда усердней. Все беспорядочно перемещаются из комнаты в комнату – этакое броуновское движение. Разговоры на профессиональные темы и сплетни, сплетни, сплетни. Кто-то уходит, но появляются новые, только пришедшие люди.

И вот – в комнату wpłyвает пара. Он снимает запотевшие очки, протирает их, близоруко оглядывает гостей.

Левушка! Несомненно – он. Впрочем, изменился мой знакомец мало: та же борода, беспомощные голубые растерянные глаза. Джинсы, яркий свитер, пестрый шарф. Но! Рядом с ним не Риммуля, а совсем другая спутница: молодая, стройная и очень симпатичная женщина примерно тридцати пяти лет. Она заботливо снимает с Левушки шарф, нежно гладит мужчину по руке и заглядывает в глаза. Тот, складывая губы в скобочку, со вздохом кивает. Спутница делает рывок к столу, хватает тарелку и начинает накладывать на нее закуску: бутерброды-канапе, тарталетки с салатом. Потом оглядывает комнату орлиным взором и замечает пустое кресло. В секунду она почти прыжком бросается туда и занимает место. Левушка неспешно к ней подходит. Она вскакивает и усаживает его. Сама устраивается на подлокотнике и принимается кормить своего приятеля. Еще один забег к столу, почти прыжок, за салфеткой, а дальше – продолжение кормления из нежных рук.

Она сосредоточенна, брови сведены: крошки смахнуть, одну салфетку постелить на брюки, другая для рук. Ну просто мадонна с младенцем. Заботливая и трепетная мать.

Она наклоняется над ним и что-то шепчет. Левушка опять вздыхает и мотает головой. Видимо, наелся. Она приносит кусок торта и бокал вина. При этом сама – ни крошки, ни глотка.

Потом она устремляется на кухню и возвращается с чашкой кофе. Левушка морщится и нюхает. Она нервничает. Левушка делает глоток и кивает. Вижу улыбку счастья на ее лице. Взгляд затуманенный и умиротворенный. Мальчик покушал и попил. Ура!

Левушка меня не узнает. А точнее – не видит. Народу тьма, дымно, шумно и громко.

Сквозь людские дебри я продираюсь на кухню. Моя подруга заваривает чай. Ее постоянно дергают, и видно, что она притомилась.

– Сделала бы в кабаке, – сетую я. – Деньги те же, а хлопот ноль. Теперь вот жди, пока все пожрут, напьются и кто-нибудь уляжется спать. Завтрашний день тоже обещает быть веселым – всех и сразу не выпрешь.

Подруга вздыхает и говорит, что в принципе я права. Но ресторан – это пошло. Там не будет прелести общения, близости и домашнего уюта. Камерности – вот чего не будет.

Ладно, вольному воля. Но подругу мне искренне жаль, и я помогаю ей накрыть сладкий стол.

– С кем-нибудь познакомилась? – интересуется она.

Отвечаю, что нет. Суетливо, да и вообще – чужая свадьба. Но в целом – богемно и очень мило.

В комнате киваю на Левушку, дремлющего в кресле.

– Вот его знаю, – замечаю я.

Подруга не удивляется – мало ли кто кого знает.

Бросает небрежно:

– А, Каминский...

– А где его чудище? – интересуюсь я.

– Кто? Риммка, что ли? – уточняет подруга. – Так она его бросила. Года два назад. Объяснила, что ей нужен мужчина обстоятельный, а не этот лютик. И такой нашелся. Старый пень, генетик какой-то. Не бедный – своя лаборатория, кафедра, производят что-то. Со стволовыми клетками связано. Дача – гектар земли. Квартира на Тверской, прислуга, водитель. И зачем ей наш хмырь Левка? Его тогда из петли вынули. А он всех обнадежил, что жить все равно не будет. Сидит на антидепрессантах.

– А девица его? Не спасает от прошлой любви? – уточнила я.

– Кобенится он, – вздохнула подруга. – Девка хорошая, звуковик. Ушла от мужа, ребенка отправила к маме. Порхает над ним, как бабочка над цветком. Супчики варит, рубашки гладит. А этот примороженный нос воротит. На ночь ее не оставляет – любит спать один. Девка мается, рыдает, хочет от него ребенка. А какой ему ребенок? Сам с собой не справляется. Вот и отыгрывает он на ней свои старые комплексы. Знаешь, мужики сейчас... Говорить не о чем. Вот половина присутствующих, – она оглядела комнату, – ноют, скулят, живут за счет баб и этих же баб гнобят и изменяют им.

– Ну, это у вас так, – возразила я. – Богема, артисты, творцы. Есть же люди реальные, без тараканов.

– Где? – подруга бросила на меня грустный взгляд. – По-

кажи место!

Ответить было нечего. Увы! «Бедный, бедный Лева, – подумала я. – Дурак, конечно, но все равно жалко. Человек образованный, способный и невредный».

Я заторопилась домой. Захотелось на воздух, в тишину и покой. К телевизору, где, возможно, идет очередной сериал по сценарию моей подруги, в котором непременно есть сильные мужчины, готовые за все отвечать, брать на себя решение любых проблем, дарящие своим женщинам цветы и билеты на круизы по теплым морям, бросающие легким и красивым жестом на кровать блестящие шубы. Таинственно достающие из карманов итальянских пиджаков бархатные футляры с браслетами и колье. Отрезающие изящной гильотиной кончик кубинской сигары со сладким запахом. Где в конце концов достается все Золушке-горничной, поначалу блеклой и незаметной, но к концу фильма золотоволосой, яркоглазой, доброй и бескорыстной. А гадина жена, алчная и неверная, переходит в разряд бывшей. Где все – справедливо и по-честному. Плохому человеку станет обязательно плохо, очень показательно и наглядно, а уж хороший получит все и по заслугам – тоже показательно и очень наглядно.

В общем, как в кино.

И совсем не так, как в жизни. К большому нашему сожалению.

Слабак

Человек, который презирает себя, всегда презираем другими. Так что все правильно. По заслугам. Сам выстроил свою жизнь и судьбу. Судьба – это характер, характер – это судьба. У Алексея ничего в жизни не получилось. Ни-че-го! А ведь какие надежды подавал! Правда, давно – в детстве и ранней юности. Говорили – талант. Правда, так считала лишь родня – мама, отец. И конечно же, Тёпа. Разумеется, никакой он не талант. Но способности были. Надежды, способности... И где это все? Вот где? В какие бездны кануло? Куда? Неизвестно...

Пыль, туман – испарились. Нужен характер – вот это и есть главная правда.

Не зря говорят: характер – это судьба.

А характера не было... Совсем. Слабак, он и есть слабак, таким и останется.

По счастью, Надежда, жена, ни разу не видела, как он плачет. Сядет на бортик в ванной, воду посильнее и – ревет. Мужчины не плачут, мужчины огорчаются. А он – ревел.

А что обижаться на правду? Жена не должна говорить такие слова?

Не должна, правильно. Но и мужик не должен быть слабаком! Так, получается?

Ну, и все остальное: не оправдал ее надежд, нечем гор-

диться, а вот у других... и т. д. и т. п.

И снова права! Умная баба, в этом ей не откажешь. Умная, сильная.

А что правду-матку лепит в глаза – так она всегда ее лепит! Всем и всегда. Характер такой. Нрав крутой, это да.

Алексей однажды слышал, как она дочери говорит: «Все в жизни уравновешено. Рядом с сильными – слабые. Так и у нас. Да и потом, – тут она рассмеялась, – будь на месте твоего отца настоящий мужик... Да разве бы мы ужились? Лбами бы бились не на жизнь, а на смерть».

Всю жизнь Алексея мучил вопрос: почему она не ушла? Красивая, умная, смелая? Мужики, глядя на нее, шеи себе сворачивали – даже когда ей было уже хорошо за сорок.

Высокая, крепконогая, широкобедрая. Волосы русые – ко-су на затылке закручивала, а та все равно распадалась – тяжелые волосы.

И брови вразлет – широкие, длинные, к вискам. Глаза серые и очень серьезные, но смешливая – рассмеется, и из глаз словно брызги.

Вернее, когда-то была смешливой.

Учились они в параллельных группах. Он помнил ее пышную юбку в синих цветах – шла она по коридору, и юбка закручивалась вокруг сильных ног. Она злилась, одергивала. А потом вдруг рассмеялась и глянула на него: «Что, может, снять? Ткань дурацкая – липнет и липнет! Дурацкая – пото-

му что дешевая!»

В голосе ее были злость и раздражение.

И посмотрела на него вопросительно, словно ожидая совета.

Он растерялся, почувствовал, что залился свекольным соком, выдохнул и вдруг, неожиданно для себя самого, произнес: «Если вы ее снимете, будете еще прекрасней! Я убежден!»

От удивления она широко распахнула глаза, растерялась и хмыкнула: «Смело!» Потом рассмеялась: «Думаю, это не всем понравится! Так что буду мучиться дальше!...»

Не кивнув на прощание, она снова раздраженно одернула юбку и, чертыхаясь, быстрым шагом пошла по коридору к аудитории.

...Очнулся Алексей от тычка в спину.

– Что застыл? – заржал одноклассник Валька Петров. – Понравилась цаца? Ничего бабеч, а?

– Да ладно тебе, – смутился он. – Цаца... как цаца. Кстати, а кто она? – Алексей изо всех сил пытался скрыть волнение в голосе.

– Надька Смирнова. Не баба – огонь! Огнемет просто. Не дай бог попасть под струю! Спалит без остатка! – И Валька громко заржал. – Сибирь, батенька! Там они все такие, – тихо продолжил он и почему-то вздохнул.

Так и расстались. Только с тех пор не выходила Надя

Смирнова из его головы. В коридорах всматривался, башкой вертел по сторонам – вдруг снова увидит?

Встречались, конечно, сталкивались – то в столовой, то в гардеробной, то в холле, то на объединенных лекциях.

Она как будто его не узнавала. Впрочем, кого узнавать-то? Ну перебросились фразами в коридоре, и забыла, наверное. Тоже мне – повод!

Нет, было однажды – он осмелел! Сам удивился своей прыти.

В столовой встал прямо за ней. Подвинулся – так близко, что слышал запах ее волос – едва уловимый аромат сладкого шампуня.

Надя, наверное, почувствовала его близкое присутствие и дыхание, резко обернулась и чуть покраснела.

– С юбкой порядок? – От смущения и страха он совсем «распоясался».

Она чуть сдвинула брови, словно вспоминая, и через минуту кивнула:

– Да, на помойке она! Нервомотка моя!

Но тут же отвернулась и заговорила с подругой, обсуждая, что брать на обед – щи или лапшу.

Алексей заворуженно смотрел, как она шла с подносом, выискивая свободное место. Статная, гордая. Взгляд – мимо всех.

На него Надя больше не посмотрела.

«Безнадежно, – подумал Алексей. – Где она и где я?»

На ее орбите никогда не будет таких... Робких, трусоватых, нескладных, неловких.

Да и быть не должно. У таких женщин – свои герои. Куда уж ему?..

* * *

Дом свой он любил. И семью свою тоже. Жили они в старой, даже древней, квартире – дому было под сотню лет – девятнадцатый век.

Построен он был как доходный – квартиры всегда сдавались внаем.

Квартиры были разные – большие и не очень. После экспроприации дом был поделен на коммуналки, а квартиры – на крошечные клетушки.

А им повезло – дали отдельную. Ну понятно, что по «заслугам», – дед был известным физиологом, учеником Павлова.

В тридцатые деда «сохранили» – ограничились только «шарашкой».

Бабка, вторая дедова жена (первая, мать его сына, скончалась при родах), была тоже не «фунт изюму» – писала детские книжки про беспризорников, возвращенных в детских домах и попавших в «большие люди».

Власть она не славилась – искренне в нее верила, была ком-

мунисткой ярой и убежденной.

К тому же и сама детдомовка, у которой «все получилось».

Деда Алексей не застал, а вот бабка Анна Васильевна жила долго, до конца шестидесятых. На стене в ее комнате висели в ряд Ленин, Сталин и почему-то маршал Жуков – любимый герой. И ни одного портрета писателя у нее, собственно тоже писателя, не было.

Видимо, не нашла она среди собратьев героев.

К неродному сыну, отцу Алексея, она относилась неплохо – ну, как могла. Нежности презирала, ласки и поцелуи были запрещены, баловство, разумеется, тоже. Но относилась к пасынку ровно и заботилась о нем от всего своего неласкового и строгого сердца.

Квартира была трехкомнатной плюс темная комната, как ее называли. Подростком он узнал, что это была комната прислуги. Темной, кстати, она не была – высоко под потолком находилось окошко – узкое и длинное, нестандартное, выходящее на внутренний двор.

Поначалу там хранился всякий хлам, который бабка Анна не давала снести на помойку. А после ее смерти «темная» была очищена и разобрана – и в четырнадцать лет на законном основании там поселился Алексей.

Встали в «темную» только узкая «мальчиковая» кровать, тумбочка и венский стул. Книжные полки он прикрутил сам – что еще нужно?

Бабка Анна занимала среднюю комнату – полукруглую, окнами во двор, – самую уютную и самую теплую. После ее смерти она и стала родительской спальней.

В большой была столовая, как говорила о комнате бабка. Но функций своих она не выполняла – ели по привычке на кухне, так что столовая почти всегда пустовала – мать не любила бабку Анну, побаивалась ее и старалась без дела с ней не контактировать.

Собирались на кухне, широкой, квадратной, с окном во всю стену и огромным овальным столом. Бабка сидела во главе, всегда на своем месте – попробуй займи! Даже в ее отсутствие это в голову бы никому не пришло.

На кухне стоял темный буфет с резными дверцами и толстенными мутными стеклами, в нем держали посуду и сладости: конфеты, печенье, фрукты. Сладости контролировала бабка Анна.

Готовила мать – бабка к хозяйству отношения не имела. Сидела она в своей комнате, читала газеты, что-то записывала в свои многочисленные рыхлые блокноты и слушала радио.

В третьей комнате, самой маленькой, жили родители.

А потом появилась Тёпа.

Позже он понял: бабка Анна Васильевна была аскетом – истинной дочерью своего времени. После ее смерти, разбирая ее барахло, были обнаружены две суконные юбки – коричневая и черная. Две блузки – белая, в желтизну от сти-

рок и старости, и темная, из серой фланели, с катышками на рукавах и воротнике. Две пары ботинок – разношенных, со сбитыми каблуками и ветхими, растрепанными шнурками. Двое нижних панталон из бязи и байки и один бюстгальтер с поломанными крючками. Пальто из коричневого драпа висело в прихожей, рядом с «пыльником» из серого сукна на пластмассовых «обкусанных» пуговицах. Там же, в прихожей, торчал вечный зонт – черный, с потертостями на спицах и деревянной ручкой с облезлым лаком.

На комоде в бабкиной комнате не было ни пузырька с одеколоном или духами, ни коробочки с пудрой, ни самой скромной брошечки, ни сережек, ни колечка.

Только дешевые часы на дерматиновом ремешке. И всё!

Столешница старого тяжелого комода была накрыта не салфеткой, не скатеркой, а куском старого и мутного плестигласа, под которым хранились пожелтевшие газетные вырезки – то, что бабка считала особенно важным.

– Ничем себя не порадовала, – тихо сказала мать, складывая в мешки бабкины вещи. – Словно и не женщина жила, а что-то непонятное, природе неизвестное, что-то среднего рода.

В комнате бабки еще долго стоял запах валерьянки, затхлости и чернил – писала она только старой перьевой ручкой.

После похорон и уборки в комнату бабки Анны переехали родители. В столовой была теперь гостиная – с телевизо-

ром «Рекорд», проигрывателем «Ригонда» и горкой с гостевой посудой – вот тогда и зажили, принимая гостей почти каждые выходные – мамину многочисленную родню, отцовских сотрудников и сотрудников матери.

Но продолжалось это недолго – только до рождения Тёпы.

Тот короткий отрезок жизни семьи – между смертью бабки и рождением Тёпы – был самым счастливым.

Мать расцвела, помолодела, со лба исчезла вечная суровая складка – бабкино присутствие довлело во всем, не давая ей, молодой женщине, почувствовать себя хозяйкой.

Из дома исчезли запахи лекарств, старой одежды и обуви. Окна теперь распахивались настежь (мать обожала свежий воздух, а бабка вечно боялась сквозняков). Засверкали натертые мастикой полы, заиграли хрусталики на новой люстре – материной гордости, доставшейся с невероятным трудом и за немалые деньги.

Теперь в доме пахло пирогами, цветочными духами и жизнью. Все наконец начали *жить*.

Мать с какой-то одержимостью принялась готовить праздничные блюда – истосковалась по гостям, по общению, по веселому смеху.

Друзья родителей были людьми шумными, горластыми, вечно спорящими и с удовольствием выпивающими.

Спорили о международной политике и автопроме. Говорили о книгах, спектаклях – здесь подключались, конечно

же, женщины.

Потом они уходили на кухню, махнув рукой на мужей – что с них взять, опять о политике, – и там продолжали свои бесконечные разговоры: дети, свекрови, наряды...

Отец приходил с работы и с удовольствием заваливался на новый диван в бывшей столовой. «Ох, красота!» – приговаривал он, листая газету и включая на громкий звук телевизор.

«Красота, и никаких нареканий!» – повторял он, поглядывая на мать. И они как-то загадочно переглядывались и почему-то смущались.

Больше всего Алексей любил понедельник. Придя из школы, в полном одиночестве, он с удовольствием прохаживался по квартире, врубал отцовский магнитофон и вместо супа доедал остатки с «барского стола» – чуть зачерствевшие пирожки, квадратики студня, селедку «под шубой» и одиноко плавающие на дне трехлитровой банки маринованные помидоры.

Жизнь была прекрасна – что и говорить!

После такого сказочного обеда Алексей заваливался на отцовский диван и быстро засыпал. Проснувшись, бежал во двор, к мальчишкам. Погонять мяч. За уроки садился только к вечеру, к приходу родителей.

Летом иногда ездили на дачу в Валентиновку. Дача тоже была деда и бабки Анны. Стояла она запущенная, одряхлевшая – никто особенно ею и не пользовался. Большой участок

густо зарос бузиной и осокой, яблони переродились, и толку от них было мало – одна только тень и прохлада.

Родители были людьми не дачными: мать говорила, что мыть посуду в тазике – морока и унижение. Дом был сырой, с продувными, щелястыми окнами. Печка давно осыпалась и разохлась – ее требовалось подлатать, замазать щели и побелить. Но... Заниматься всем этим «хозяйством», как раздраженно называл дачу отец, никому не хотелось.

Приезжали в субботу, а уже в воскресенье утром родители начинали торопливо и нервно собираться в Москву.

А ему – ему хотелось остаться! За участком было огромное футбольное поле и большое костровище – там собиралась дачная молодежь. Гоняли в футбол, разжигали огромный костер, пекли картошку, пели песни, гомонили, смеялись – до рассвета, до самого утра. Расходились по домам только часам к пяти.

Алексей тоскливо поглядывал на честную компанию и тяжело и обреченно вздыхал – он не был ни с кем знаком, так получилось.

А подойти к ребятам смелости не хватало – робел.

С дачи Алексей всегда уезжал с сожалением и какой-то легкой и непонятной ему грустью. Словно опять не оправдались надежды – какие, правда, он не совсем понимал.

Так продолжалось три года. До самого рождения Тёпы.

Пока мать ходила беременная, Алексей нервничал. Конечно, ему хотелось брата.

Алексей рисовал себе мысленно, как он защищает его во дворе и в школе, как учит собирать металлический конструктор – грузовики и подъемный кран.

Как читает брату книжки – свои любимые, разумеется.

Про рождение девчонки, сестры, Алексей и не думал. С девчонками ему было все непонятно. Совсем непонятно. Да и несолидно как-то – сестра!

Нет, «брат» звучит лучше! Да и что делать с девчонками? Он решительно этого не понимал. Глупость какая-то: куклы, пластмассовая посудка, бантики, рюшечки...

Алексей наблюдал за девчонками во дворе: сидят, дурочки, крошат в кастрюльки подорожник, помещивают ложечкой, а потом суют пластмассовой уродице в рот и еще приговаривают: «Кушай, Ира! А то отлуплю!»

Или на нитку нанизывают ягоды рябины, а потом хвалятся, чьи бусы лучше. Чушь какая!

Сплетничают, хихикают, хвастаются и вечно чего-то придумывают! Интриганки!

Всякие глупости, честное слово!

Что ему делать с сестрой? Нет, ерунда получается! Пусть будет брат!

Отец отвез маму в роддом в самом начале марта. Она почему-то странно прощалась с ним, будто уезжала навсегда. Плакала, прижимала его к себе и все время повторяла, чтобы он «был человеком».

Она часто шутила: «Баранкин, будь человеком!»

Был такой мультик. Но тогда она говорила серьезно, безо всяких шуток – так ему показалось.

Наконец отец оторвал ее от сына и, обняв за плечи, осторожно и нежно вывел за дверь.

У двери мать снова метнулась к сыну:

– Лешечка! – закричала она. – Суп в холодильнике, а тушеное мясо на балконе!

– Знаю, мам! – буркнул Алексей. – Ты мне уж сто раз говорила!

Мать разрыдалась, и отец даже прикрикнул на нее, что случалось совсем редко.

Мать положили, отец уехал на службу и каждый час звонил ему: «Лешка, ты как?»

Вечером, после работы, отец пришел хмурый и раздраженный. Ужинать отказался – не хочу.

Курил у окна и беспрестанно названивал в справочную родилки.

Сын ничего не спрашивал, помалкивал. Лишний раз раздражать отца не хотелось.

Гулять он не отпрашивался, сидел у себя и делал уроки.

Наконец услышал радостный вопль отца и выбежал из комнаты. У двери они столкнулись, и отец, счастливый, с трясущимися руками, крепко сжал его плечи и без конца повторял: «Слава богу, Лешка! Все окончилось, слава богу! И теперь, брат, у тебя есть сестра!»

Он отодвинулся от растерянного сына и внимательно по-

смотрел на него: «Слышишь, сестра! Девулька у нас родилась, Алексей!»

А он только мотнул головой – дескать, «понимаю, да... Ну, что делать – значит, сестра».

Разочарованию Алексея не было предела. Расстроился он до слез – ну, или почти до слез.

Отец удивился и даже растерялся:

– Ну что ты, Лешка?! Это ты из-за того, что не пацан, а девчонка?.. Ну и дурачок ты у меня! Из-за девчонки расстроился! Дурачок, честное слово! Это ж так здорово – ты что, не понял? Еще одна красавица в нашем доме прибавилась! Деевочка! – распевно произнес отец. – Лапочка, красавица! Как мама наша, уверяю тебя! А ты – ты защищать ее будешь! От всех невзгод. Так брату положено, ты понимаешь?

Алексей вздохнул и согласно кивнул: «А куда ж ее теперь? Не выкинешь же. Только защищать и осталось».

И отец, вытерев ладонью влажные глаза, счастливо и громко расхохотался.

Из роддома мать и сестру забирали через пять дней.

Мать была бледная, похудевшая и снова горячо обнимала Алексея и вглядывалась в его лицо, словно видела его впервые.

Девочку, его новоявленную сестру, положили на обеденный стол и распеленали.

И тут она совсем разочаровала Алексея: ножки и ручки

тонюсенькие, хлипенькие. Личико сморщенное и ярко-красное. Глаза прищурены и бессмысленны. И волосики, очень темные и густые, были влажными, словно примазаны маслом.

Ему стало неприятно смотреть на младенца, и Алексей вышел из комнаты.

В комнату к нему зашел отец, сел на стул, вздохнул и сказал:

– Сын! Мы очень любим тебя! Очень, слышишь? Но... Девочку эту, твою сестру, мы тоже уже очень любим! Потому что... Нормальные родители любят своих детей! Одинаково любят – ты меня слышишь? И доченька наша еще будет красавицей! Все груднички, знаешь ли, выглядят сначала как-то... не очень. Ты тоже, брат, Аполлоном не был – ты уж прости! В общем... – отец встал и хлопнул себя по коленям. – В общем, еще как будешь ею гордиться! Помяни мое слово! Больше всех любить будешь эту... малявку!

«Ага, как же, – подумал Алексей, – больше всех! Ну, уж не больше мамы наверняка!»

И он уверенно усмехнулся.

Сестру называли Наташей. Спрашивали и его, Алексея, мнение, но он невежливо отмахнулся: «Мне все равно! И вообще, в женских именах я ничего не понимаю. Наташа – значит, Наташа!»

Она, конечно, ему мешала – громко орала по ночам, например. Он даже удивлялся: как из такого крошечного тель-

да вырываются такие отчаянные децибелы?

В ванной теперь всегда стоял в ожидании отца большой старый таз с замоченными пеленками.

Пеленки, конечно... воняли. А когда Алексей увидел на ползунках ярко-желтые, похожие на горчицу следы, его вообще чуть не вырвало.

Теперь у сестры глаза были открыты. Они оказались темно-синими, в обрамлении длинных черных ресниц.

Смотрела Наташка на все внимательно, изучающе – на люстру, потолок, подвешенные к кровати погремушки.

Близко он не подходил, изучал сестренку со стороны, поодаль.

А как-то все же пришлось подойти. Мама выскочила «на минутку» за хлебом и строго наказала: «Если Наташка начнет выступать – подойди и дай соску! Только руки помой, слышишь?»

Ну и, конечно, как назло, как только за матерью закрылась дверь, сестра развопилась.

Алексей нехотя подошел к кровати сестры, увидел ее сморщенное личико, искаженное гримасой рыданий, и грубо спросил: «Ну, что там у тебя случилось?»

Вдруг малышка замолчала, удивленно уставилась на него, и пару минут рассматривала его с интересом. А потом вдруг улыбнулась.

Улыбнулась широко, обнажив блестящие голые десны, и радостно задргала ножками.

Брат тоже посмотрел на нее с удивлением – с большим удивлением, надо сказать. И увидел, что она очень хорошенькая – синеглазая, чуть курносая, с забавными ямочками на щеках.

Наташка и вправду была похожа на маму... Получается, отец его не обманул.

Считалось, что Алексей тоже похож на мать. Он подскочил к зеркалу и стал внимательно разглядывать себя.

Дааа... Похож. В смысле, он – на маму, и сестра – на нее же. Получается, что они с сестрой тоже похожи?..

Ну, совсем интересно!

Алексей снова подошел к кроватке, и Наташка опять заулыбалась ему.

– Ну, – все так же грубовато произнес он. – Чего лыбишься?

И, взяв погремушку, погремел ею перед носом малышки.

В этот день все и переменялось. Теперь, возвращаясь из школы, Алексей торопливо мыл руки и бежал к ней, к своей сестренке. А она, едва увидев его, тут же прекращала любые свои притязания, и даже самый громкий плач внезапно прерывался.

Слезинки дрожали и блестели на круто загнутых густых ресничках, и снова улыбка «до ушей», как говорил он.

Когда Наташе исполнилось шесть месяцев, мать разрешила брать сестру на руки.

– Только осторожно! – каждый раз повторяла она. – Ма-

ленькие дети – они такие верткие! Не успеешь и охнуть, как она уже на полу окажется!

Но сестра не была верткой – на его неловко сложенных руках она сидела спокойно. А однажды положила головку на плечо брата, и Алексей почти задохнулся от внезапно накатившей нежности. И тогда впервые почувствовал и любовь, и ответственность за нее. И еще – какую-то смутную и тягучую, непонятную тревогу...

...Счастливая жизнь их семьи закончилась, когда Наташе исполнилось три года. Она заболела. Вначале это был обычный грипп. Переболели и отец, и мать. Держался только он, Алексей. Почему-то болезнь его пощадила.

И тут заболела сестра. Казалось бы, все прошло, как проходят простуды, всякие вирусы и даже противный и опасный грипп. Но через пару месяцев Наташка вдруг перестала вставать на ножки. Потом из ее ладони выпала чайная ложка, которой она ела кашу. Потом рука не удержала маленького пластмассового пупса. Дальше – зубную щетку... Мышцы маленькой девочки вдруг потеряли всякую силу – словно выключились из жизненного процесса.

И началось... Больницы, институты, всевозможные светила, предложенные знакомыми. Диагноз поставили почти сразу, но... Родители верить отказывались и продолжали свои бесконечные и изматывающие походы по врачам. А дальше – по знахаркам и даже колдуньям.

Мать и отец сдали резко: мама перестала закрашивать появившуюся седину, делать завивку и маникюр. Она вообще махнула на себя рукой – по дому ходила в старом халате с проплешинами на локтях и карманах.

Отец тоже здорово сдал. Нещадно смолил на балконе, молчал и часто смотрел в одну точку.

В дом пришла беда. И самое страшное, что эта беда не имела конца – прогнозы на болезнь девочки были неутешительны. Навсегда... Какое страшное слово!..

Ходить не будет, держать ложку – вряд ли. Да, мозг не затронут. И речь в порядке, но... В доме появился тяжело-больной человек, беспомощный инвалид – это надо понять и принять.

Но принять такое было сложно. Порой казалось, что жизнь закончилась. Нет, конечно, она продолжалась. Казалось бы...

Но, это была совсем не та жизнь, которой они жили прежде. Смех из дома исчез – как не было. Поездки и отпуска не планировались. Теперь говорилось только о санаториях для Наташи. Окна не распахивались, как раньше. И в них не врывались свежий ветерок, запах весны, гомон улицы, перезвоны трамваев и пение птиц.

Мать стала всего бояться: свежего воздуха – не дай бог, Наташа простудится! Гостей – они потревожат покой дочери, да и вообще... Разве им сейчас до гостей?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.